

A painting of a woman with dark, curly hair and green eyes, looking into a mirror. She is wearing a light blue, semi-transparent blouse. Her hands are raised, touching her hair. The mirror has an ornate, dark wooden frame. The background is a textured, blue and grey wash. The overall style is soft and painterly.

Андрей Ломовцев

СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛО,
СКАЖИ...

Андрей Ломовцев
Свет мой, зеркало, скажи

«Перископ-Волга»

2024

Ломовцев А.

Свет мой, зеркало, скажи / А. Ломовцев — «Перископ-Волга»,
2024

ISBN 978-5-907827-85-1

Жизнь 27-летней Катерины полна радужных планов, однако приезд бабушки Меликки из Карелии, вносит в реальность мистический диссонанс. И жених не тот за кого себя выдает, и бабушка не погостить заскочила, а обязана передать внучке дар провидицы. Теперь Катерина способна разглядеть будущее, и не только свое. В первые опыты Катерина вовлекает подруг, а заодно перекраивает собственную судьбу.

ISBN 978-5-907827-85-1

© Ломовцев А., 2024
© Перископ-Волга, 2024

Содержание

Глава 1. Кто ты, бабушка Меликки?	6
Глава 2. История Меликки. Первая	17
Глава 3. Свадьбы не будет	20
Глава 4. Мара & Жанна	24
Глава 5. Первое погружение Мары	29
Глава 6. Разбившаяся мечта	37
Глава 7. Кирилл	42
Глава 8. Филиппинка Чансуд	46
Глава 9. Годзи	49
Глава 10. Надежда	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Ломовцев

Свет мой, зеркало скажи...

© Издательство ООО «Перископ-Волга», 2024

* * *

Все имена и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Глава 1. Кто ты, бабушка Меликки?

За незаконный оборот запрещенных веществ предусмотрена ответственность вплоть до пожизненного лишения свободы, а их употребление вызывает зависимость и угрожает жизни и здоровью человека.

Зеркало Катерине подарила бабуля по материнской линии. Получилось это весьма неожиданно, последние полсотни лет Меликки не выезжала из Ильме, поселка в Лахденпохском районе Карелии. Жила себе в обветшалом срубе на краю деревни, что рассыпалась горохом вдоль леса, с родней почти не общалась.

В Питер бабуля заявила в начале сентября. Дело было с утра, в окно стучал мелкий дождь, серым покрывалом висели над городом тучи. Катерина, покрасневшая, в халатике после душа и с кружкой горячего кофе в руке, залипла в планшете на кухне, готовилась к свадьбе. Два месяца бурных отношений с Кириллом привели Катерину к мысли, что успех пора бы и закрепить, двадцать семь не тот возраст, чтобы разбрасываться роскошными мужиками. Владелец бизнеса по ремонту и продаже подержанных автомобилей, рослый Кирилл подходил по всем параметрам. Почти по всем. Она точных не задавала, просто чувствовала, что норм. Ну и решила: вперед – труба зовет, пришла пора действий бескомпромиссных и окончательных. Чего ждать? С Кириллом все обсудили, проговорили, бюджет прикинули. Две недели назад подали заявление в ЗАГС.

Жених инициативу проявлял исключительно в постели, все предсвадебные хлопоты возложил на узкие плечи заботливой Катерины. Правда, выдав невесте кредитную карту с оговоренным бюджетом на счете. Ни больше, ни меньше. И теперь, когда столь важная дата закрепилась на ее жизненном горизонте, Катерина убежала с основной работы пораньше, моталась по магазинам в поисках свадебного платья, которое повергло бы в восторг гостей и уютно вписалось в графу расходов. Оказалось, это невероятно сложная задача: что нравилось ей – грозило оставить гостей без закусок и спиртного, а то, что было по карману, не вызывало желания даже примерить.

Она встречалась вечерами с ведущими. Рассыпалась в извинениях и закусывала обсуждения салатиками, попутно листая предоставленное меню и вздрагивая от цен на горячее. Прихлебывая на ходу кофе, осматривала банкетные залы. Слушала восторженные объяснения управляющих менеджеров и понимала, что половина всего – сладкая ложь. Вечером – усталая, но окрыленная тем, что первый личный проект «свадьба» в принципе идет по плану и ничто не способно его изменить – заваливалась в кровать, задирала ноги на стену: снять нагрузку с вен, и поправляла списки гостей.

Кирилл ночевал не каждый день, так они условились – бурный секс забирал много сил, Катерина сложно восстанавливалась, в отличие от жениха, который с утра бодрячком уезжал по делам. После свадьбы Катерина планировала переехать к мужу, двушку в аренду сдать, а там видно будет. В свои роскошные апартаменты жених Катерину не приглашал ни разу, она знала только район и видела дом с высокими колоннами, арочные окна на четвертом этаже. Место ей нравилось, дом крутой в дорогом месте.

Кирилл пообещал завершить к свадьбе ремонт, который спроектировало для него ведущее дизайнерское агентство города.

Полистав список гостей, Катерина кемарила час-другой, и за полночь присаживалась за ноутбук – просмотреть и поправить второй личный проект под названием «Салон красоты».

Звонок в прихожей прокурлыкал дважды, и Катерина все не могла понять, кому там с утра не спится. На пороге улыбалась невысокая, широкая в кости женщина с грубыми чертами

лица, будто выбитыми из камня неумелым скульптором. Мокрая панاما болотного цвета, футболка с волчьим оскалом на груди, серый, взбитый дождем рюкзак возле ног.

– Ну привет, внучка! – уверенно шагнула в проем Меликки, дыша влажностью питерской осени, травами и непривычным собачьим духом.

– Привет, бабуля, – удивленная Катерина отступила вглубь коридора. – Какими судьбами, что не позвонила? Я бы встретила.

В деревню Катерина приезжала последний раз лет десять тому назад, а вот когда в школе училась, так ездила почти каждое лето. Местечко ей нравилось, еще бы и комарья поменьше. Изба из темных, в обхват ноги, бревен, заросших мхом до окон, окруженная крапивой, крыжовником, чертополохом да забором из гнутых облезлых жердей выглядела неприветливо-мрачно. Они с матерью обычно спали валетом на узкой скрипучей кровати, возле засиженного мухами окна. Вдыхали терпкий запах полыни, подвязанной к потолку для сушки, слушали песнь сверчка за печкой, да бормотание ветра за окном. По детской наивности Катерина звала вечно нечесаную бабуку «Ягой»; та частенько дремала днем на печи, которую подтапливала даже летом. Мать наказывала дочь чтением, заставляя по вечерам читать биографии именитых художников. Меликки на прозвище не обижалась, щурила узкие глаза, улыбалась, собирая вокруг рта паутинку морщин. Годы не изменили облик Меликки.

– А что тут идти, милая, от вокзала рукой подать. Да и беспокоить лишний раз не хотела.

– А если мне на работу?

– Да я знала, что дома. Отдохни сегодня от дел, я гость редкий. Давай уже обнимемся.

Катерина прижалась к прохладной щеке Меликки, пахло от нее будто бы высохшим сеном. Бабуля скинула стоптанные кроссовки, прошла в кухню, оставляя влажные следы на полу, огляделась.

Катерина жила в квартире деда по отцовской линии. Ветеран войны держал квадратные метры в чистоте и опрятности, Катерина присматривала за старичком по мере сил, но пару лет назад сердечный приступ сразил старого солдата мгновенно, как пуля. Здесь Катерина провела детство, ютясь с родителями в узкой комнате, пока матери не выделили квартиру в новомодной башне неподалеку. Катерина организовала косметический ремонт на скорую руку, зарплаты парихмахера-стилиста хватило на покраску потолков, французские обои и недорогой ламинат.

Мать, к тому времени художник с именем и собственной мастерской, посмотрев на преображения, резюмировала: «На первых порах и это неплохо, мы с отцом вообще начинали с общаги».

Потом не скупясь добавила на кухню и добротную испанскую мебель, чтобы и друзей привести не стыдно было.

Кириллу квартирка нравилась. Катерина и вовсе была на седьмом небе от счастья.

Бабуля прошла в кухню, постояла, уткнув руки в широкие бедра, одобрительно поцокала языком.

– Уютно внучка, ничего не скажешь. Приятно душе и глазу. Молодец, есть у тебя вкус к жизни.

Кухня из «Икеи» встала Катерине в весьма приличную сумму, но выглядела стильно, серая с набором золотых ручек и множеством удобных ящичков, незаменимой встроенной техникой.

– Один раз в этой квартире была, когда мать твою замуж отдавала. Будто вчера. А ведь снаружи ничего не сменилось: подъезд, качели, голуби. Асфальт вот свежий, деревья вымахали, света не видно, но вернемся к тебе. Готовишь еду на чем? Огонь где жжешь?

Меликки присела на стул, достала из кармана необъятных штанов трубку темного дерева, кисет с табаком. Она и раньше курила по старинке, не признавала сигарет новомодных.

– В смысле огонь? – переспросила Катерина и показательно включила конфорку. – Газ вот есть.

– Это хорошо. Нужен нам будет, огонь-то. Да ты присядь, милая, не торопись, присядь, – Меликки пристукнула по изогнутой спинке стула широкой словно лопата, ладонью. – Разговор у меня к тебе, не просто так я прикатила из такой дали.

– Случилось что? – Катерина поправила мелкие свои кудряшки и приоткрыла форточку.

Бабуля закурила, подхватила крепкой морщинистой ладонью трубку, кухню окутал пряный аромат табака.

– Чаю поставить? – Катерина припомнила, что кофе Меликки не признавала.

– Погоди чаевничать, успеем. Знаю, замуж ты собралась. Не спрашивай, откуда известно, не от матери, но вопросы не хочу задавать, без надобности мне это, но кое-что скажу.

Зазвонил телефон, и Катерина сбросила вызов очередного претендента на роль ведущего. Меликки пытливо смотрела на внучку:

– Хорошие кудри у тебя, котенок, но больно худа ты в теле, где запасы свои растеряла? Не сердчай, сил в тебе мало, вот я к чему: энергия в человеке – как сок в дереве, нет его – и корни сохнут. Куда силушка твоя уходит, а, котенок, не думала? Не гадай, не в работу, и не в заботы житейские. Кожа-то, посмотри, будто ветром иссушенная, румянца нет, серость под глазами, непорядок.

Катерина придирчиво взглянула на тонкие пальцы с аккуратным маникюром и облезшим лаком на безымянном, присела напротив бабули, сунула руки под стол. А ведь и правда, крем надо сменить, пользоваться увлажняющим, ладони сухие и волос последнее время сыплется.

– Бабуль, объясни уже, что ходишь вокруг да около, загадками говоришь. Прости, конечно, что тороплю, у меня дел невпроворот, бежать надо. Ты к матери не собиралась? Можем вечером вместе сгонять, там все и обсудим. Я торт куплю.

Катерину уже раздражал табачный дым, заполонивший кухню, туманные намеки про худобу и серость. Она не любила темы про свое здоровье и списывала мелкие недочеты – типа мешков под глазами и болей в спине – на сложный период в жизни. Свадьба впереди, и бизнес готовилась запустить, и, собственно работа, которую никто не отменял. Голова кипит, времени не хватает. Поесть – перекусками, рывками, весь день на ногах. Думала, вот свадьбу отпляшет, салон откроет и в Сочи, погреться под южным солнцем, прокатиться по Абхазии, озеро Рица сфоткать, по пещерам пройти – говорят, красиво. Отдохнуть, поесть шашлыка да рыбки, вина местного выпить. За границу Кирилл не может выехать, что-то у него с паспортом приключилось, она не вникала. Но когда нюансы уладятся, то первым делом – в Париж.

Катерина смотрела мимо Меликки в окно, где по крыше соседнего дома вышагивали важно голуби. Планы на день расплзались в сизом мареве неба, медленно и неотвратно.

– Нетерпеливая ты внучка, с детства не изменилась, – Меликки размеренно выдала густую струю дыма в потолок. – Зажигай огонь. Есть сообщение для тебя.

Меликки, не выпуская трубки из губ, принесла из прихожей рюкзак, вывернула содержимое на пластиковую поверхность стола: кусок рябинового дерева с коричневой сердцевинкой, три пучка подсохшей травы, камень малахита размером с яйцо и стеклянные бутылки с маслом. Неожиданно замерла, будто задумалась, затянулась крепко и ткнула трубкой в сторону коридора.

– Подарок вроде как мой привезли, иди, дверь открой. Слышу вона шаги на лестнице.

И вправду, два длинных перелива ворвались из коридора.

– Это что еще?

– Иди, иди, открывай, сама увидишь.

В прихожей Катерина включила камеру. На площадке два небритых мужика с хмурыми лицами в синих спецовках удерживали что-то узкое в рост человека, завернутое в мешковину.

– Кого вам? – распахнула дверь Катерина.

– Доставка. Ерошенкова здесь проживает?

– Я это.

– Куда занести?

В коридор вынырнула Меликки.

– Давайте, сынки, вот к стеночке ставьте, да мешковину с собой заберите, пригодится еще.

Мужики проворно распаковали высокое зеркало в массивной резной, местами облупившейся деревянной раме. Установили у стены. Зеркальная поверхность, словно покрытая налетом пыли, отдавала холодом.

Катерина расписалась в квитанции дрожащей от волнения рукой, вручила тысячу за доставку и закрыла дверь.

– Бабуль, это зачем мне?

Меликки провела нежно по деревянным завитушкам рамы.

– Пойдем, сейчас объясню, и у меня времени-то в обрез, милая, совсем мало по мирским понятиям, так что приступим. Ты мне кастрюльку дай, что не жалко.

Катерина включила конфорку, вытащила алюминиевый ковшик с высоким бортом, который так и не смогла отчистить от подгоревшего сахара. Посмотрела на Меликки, на ее взерошенный волос.

«Эх, поправить бы ей прическу», – мелькнула привычная мысль.

Волосы было главным, по чему Катерина оценивала людей. Шоколадные пряди бабушки с легким, будто снегом присыпало, налетом седины, говорили, что собиралась их хозяйка в явной спешке. У шатенок стихия – земля, направление – запад. Волосы лесной нимфы, загадочной и неотразимой. Вот и Меликки на природе живет, руку протяни через мост— чаща непроходимая, если перескочить, а тропок не знать – враз заблудишься. Речка, и та лес огибают, словно побаивается заглядывать стремительным течением в набухший среди ветвей сумрак. У шатенок обычно мягкий характер...

На этом теория Катерины разбивалась о жесткий нрав Меликки. За словом бабуля в карман не лезла, шутить не любила, а скорее всего – не умела, но и в помощи никому не отказывала. Потому летом вокруг избы просители светлячками вились. К зиме завьюжит – к деревне не подобраться, а к дому Меликки и вовсе тропу не сыскать. Как она выживает в мороз, никому неизвестно. Зато летом, завидев разноцветные палатки за рекой, ряд машин у кустов можжевельника, что опутал дорогу к мостку, старух в темных платках, молодых парней с испытанными лицами в спортивных костюмах, Катерина интересовалась у матери:

– Что за люди, зачем? Рыбаки? Или за грибами приехали?

Мать отмахивалась:

– К бабуле просители помощи, у каждого свое. Не забивай голову – мала еще.

Деревенские на незваных гостей не ругались, делали мелкий бизнес: сдавали комнаты, обеды готовили. Просили палаточников высоких костров не жечь, да мусор за собой убирать.

Бабуля, между тем, отложив трубку, отстрогала ножиком от деревяшки рябиновой три длинные стружки, подожгла и закинула в кастрюльку, туда же опустила камень, выдернула с каждого пучка травы по шепотке, опустила сверху. Заструился в потолок легкий дым. Попросила Катерину пересесть к зеркалу, а сама зашептала под нос непонятное. От ее слов и запаха полыни и мяты голова у Катерины закружилась, сил встать не было, интуитивно схватилась она за стол, вздохнула поглубже и ухнулась, словно с горки в туман.

Катерина увидела вдруг спальню, забрызганы кровью обои, растерзанную ураганом постель, и себя, сжавшуюся в клубок в углу. Подобрал ноги, в мятой майке, она визжит скрюченная, закрывает локтями голову. Кирилл завис в расстегнутой рубашке, пупок торчит темным пятном. Лицо опухшее, в пятнах от гнева и глаза мутные, словно чужие. Смотрит в сторону и брызжет пьяной слюной;

– С-сука.

И бьет наотмашь, не глядя. Голова Катерины отскакивает мячиком от стены. Вспышка и тьма. В чувство Катерину привели холодные брызги.

– Хрен да полынь, плюнь да покинь.

Меликки держала наготове стакан с водой. Катерину подташнивало, зубы стучали, барабанили о стекло, прохладные капли запрыгали по губам.

– Sekä. Пей, котенок, не спеши, в первый раз всегда не по себе, знаю. Подыши, подыши. Вот удивила ты меня, впервой такое встречаю, к зеркалу не пересела, а все углядела. Вроде как чудеса – со стороны посмотреть, а я-то знаю: способности у тебя. Время пришло, котенок, дар передать полностью.

Не отрывая пляшущих губ от стакана, Катерина прошептала;

– Что это было, бабуль?

Голова отяжелела, темные пятна еще кружили перед глазами.

Меликки словно не слышала, говорила сама с собой, взгляд ее затуманился:

– Я матери твоей твержу, не могу дар не оставить, либо тебе, либо Котенку – выбирай.

Мать твоя ни в какую. Не желаю, говорит, чужой жизни, у меня и своя не прожита, муж, дочь, работа, от которой сердце не оторвать. Ну, нет так нет. А вот тебе, котенок, без меня уж совсем никак. Не выдюжишь. Я только почуяла, что жизненный сок твой уходит, ну и давай подпитывать тебя нужным. Оберег помогал до времени, да мирской дрянью забился, как ведро помойное. Ты, котенок, не сомневайся, гони раздумья. Помогать буду на первых порах, ты девка смышленная, быстро одолеешь науку. Начнем с зеркала, предмет простой, как в той сказке, помнишь? «Свет мой зеркальце, скажи...»

– Бабуля! – вскакивая со стула, заорала в голос перепуганная Катерина, и капелька пота скатилась на переносицу.

Она дернула за рукав Меликки, топнула грозно:

– Прекрати! Хватит! Что за сказки, какой оберег, какое зеркало? Объясни, что я видела? Кирилл, спальня, кровь – что это? Что?

Меликки словно очнулась, вскинула удивленно глаза из-под седых бровей – зеленые блестящие, кошачьи:

– Будущее свое ты видела, что орать-то. Неужто не поняла. Думаешь, просто так я примчалась в трудный час бог знает откуда. Какие тут сказки, котенок. Ну так его может и не быть, будущего этого, если оглупела ты от любви своей. Через нее, как через трубочку, силы твои этот вурдалак высасывает. А оберег на груди носишь с детства раннего, да износился, видать, не помогает, значит, вовремя я успела.

Катерина опустила на стул, зашептала, вцепившись в пластик стола ногтями:

– Да не может быть этого, чушь какая. Какой вурдалак, бабуля, Кирилл – жених мой. Ты в своем уме, он любит меня... Кирилл милый, он, он, он..

– Выплескивай горечь, котенок, говори. Вылей, что на сердце скопила, – продолжила вещать Меликки, покачиваясь подобно метроному. – Полегчает, как от таблетки.

– Любит он меня, а я его, причем здесь горечь? Мы заявление подали, роспись в... в... – Катерина хватала воздух пересохшими от волнения губами, – во... во вторник.

– Да так-то оно так, котенок, конечно, ему бы и не любить. А насчет заявления – так передумаешь, не сомневайся. На вот, еще водички испей.

Бабуля подлила из чайника свежей воды, протянула стакан, но Катерина посмотрела на жест с подозрением, будто бабуля зелья в чайнике замешала. Отстранила руку. Меликки не удивилась, восприняла отказ спокойно, выпила воду до последней капли, облизнула губы:

– Ну не хочешь, воля твоя. Давай уже с зеркалом закончим. Как у вас говорят: последний опыт покажу. Тут, как в телеке вашем, только без пульта, рукавом все делается. Возьми стульчик, присядь-ка напротив.

Колени у Катерины тряслись, ступни замерзли, словно северный ветер гнал поземку по ламинату.

В голове стучало: «Насильник, вурдалак – суженый-ряженный твой».

Она прикрыла глаза, прижала ладони к губам, задумалась. Успокоилась. Мозг анализировал, сравнивал и вычленял, разбирал нюансы, обстоятельства и недочеты в отношениях с Кириллом, начиная с момента встречи. И чем напряженнее шевелились извилины, тем четче вырисовывался неприятный по своей сути вывод. Но принять его она не могла, несмотря на то, что сделала его самолично. Вспомнилась неожиданная грубая несдержанность Кирилла в постели, после которой тело охватывала усталость, словно не наиприятнейшим делом она занималась, а картошку выкапывала с десяти соток. Катерина относила это на темперамент Кирилла, и надеялась, что со временем, процесс как-то урегулируется. А еще вспоминала затяжные до одури поцелуи, от которых шла кругом голова, и она потом долго не могла прийти в себя. И ему всегда мешал ее оберег, он просил снимать его на ночь.

«Да ну, – кричало сердце, – какая-то хрень, не верю, сама себе накручиваю, я люблю его, он меня...»

– Угомонись уже, котенок, – удовлетворенно отметила Меликки, наблюдая, как Катерина хмурится, морщит лоб и растирает вспотевшие ладони. – Sekä. Сильная ты, у другой бы с одного заговора страсть отлетела бы, пылинкой ненужной, а ты все не отпускаешь. Не ошиблась я. Это хорошо. Не вурдалак, говоришь, не веришь? Ну давай тогда с истоков начнем. Где ты познакомилась с красавцем своим, вспоминай-ка, милая, покопайся в памяти.

Катерина усмехнулась, точно неудобное вспомнила:

– Странно прозвучит, бабуль, на похоронах.

То был солнечный, удивительно теплый майский день, совершенно не подходивший для столь скорбного мероприятия. Марина – подруга со школьных лет, с кем просидели долгие годы за партой, бесились на дискотеках и делили парней – хоронила мать. Сердечный приступ или что еще там, Катерина в расспросы не лезла. Марину трясло, приходилось подавать то пузырек с валерьянкой, то фляжку с коньяком. И в какой-то момент Катерина обратила внимание на задумчивый взгляд шатена в темной рубахе. Он сопровождал двоюродную сестру Марины, полноватую Свету с нелепой укладкой под черным платком. Молодой человек смотрел на Катерину и улыбался. Ее пробил дрожь от его роскошной шевелюры, небрежно зачесанной в хвост, легкой небритости.

«Какой типаж, – шепнул тогда разум, – такие шедевры можно создать из этого волосяного богатства!»

В то время она готовила альбомы мужских стрижек, целиком прониклась творчеством, ну и свободна была – в поиске отношений. С парнями не везло, ходила расстроенная, укрывшись грустью, точно платком.

И тут словно искорка пробежала, и ведь Катерина тогда подумала: «Неподходящий момент для знакомства, неправильный».

Он подошел на поминальном вечере в ресторане, будто ненароком положил визитку на край стола. Но позвонил сам спустя неделю – выудил у Маринки номер. Пригласил прогуляться. Цветы, учтивые шутки, ни капли хамства или нагловатости, обаятельный, читал нараспев Есенина божественным баритоном.

Мара, узнав, что подруга увела у сестры парня, лишь пожала плечами: «Без проблем, сама думала замутить, такой красавец».

– Ага, ну вот все сходится.

– Что сходится, бабуль? Не терзай уже, трясет меня от таких откровений.

– Он тебя подманил, словно почувствовал твою неустроенность. Вампиры энергетические, как тараканы, ищут в людях щели в душевной оболочке, залезут и высасывают по глоточку. Ну а когда почувствуют, что жертва ослабла, вот тогда и начнется суший кошмар. Могут

до дна испить. До смерти. Естественно, существуют и натуралы, – бабуля подняла указательный палец. – Во какие слова знаю, а ведь всего раз телевизор у соседки глянула.

Бабуля рассмеялась, и морщины затанцевали на широких скулах, побежали волнами ко лбу и вернулись.

– Разных вурдалаков я повидала – только таких, что крови насосутся, а тело в болото скинут, в этом мире не встретишь, а в зазеркалье сколько хошь, но каждый на особой примете. Хотя вот чем они отличаются, подлецы, сказать не могу. И те, и другие схожи. Энергия в человеке – та же кровь, как без нее. Вот повезло тебе, котенок, я у тебя есть, подпитывала как могла, да ведь сколько можно.

Меликки скривила толстые губы в улыбке, взяла левую руку внучки в ладони, погладила стянувшуюся кожу на месте мизинца:

– Не болит?

– Ну, вспомнила, бабуль, столько лет прошло.

Катерина аккуратно освободила ладонь, завела покалеченную руку за спину, уткнулась в пол взглядом. Мизинец бабуля ей самолично оттяпала. Топором, в жаркий день августа, за избой на разошедшей деревянной колоде. На которой обычно рубили к зиме дрова.

Катерине было лет десять. Они тогда с рыжей Жанной дружили как ниточка с иглолочкой – куда одна, туда и другая. Уговорились на неделю в деревню махнуть, к Меликки; лес, грибы, ягоды, речка. С родителями вопрос утрясли. Отец Жанны на машине подкинул их до деревни. Жара, благодать, с леса еловым духом тянет, с поля клевером, травой скошенной. Жанна не разглядела в бабушке ничего сказочного. Они разобрали чемоданы, натянули купальники, выдули по стакану молока и помчались по тропинке вдоль изгороди, сквозь малинник и жирные лопухи – туда, где меж берез серебром блестит река. И надо было Жанне углядеть на тропе холм, похожий на колокол. Во мху и два отверстия сбоку. Они встали, и Жанне показало, что в дыре что-то шевелится, и вроде даже жужжит. Она заорала в страхе. Катерина земляной нарыв не припомнила, не было его в прошлом году, но захотела показать подруге храбрость. Она обломала сухую ветку березы и с победным видом воткнула ее в земляной холм, потом еще раз, и еще. Мол, смотри подруга, бояться здесь ничего.

Из разворошенной кучи завоняло гнильем и болотом. Сколько их вылетело, этих шершней – да тьма. Шесть укусов – смертельно для взрослого человека, а худой Жанне хватило и двух. Это еще повезло, потому что Катерина на них зашикала и замахала руками. Шершни улетели. Когда бледная Катерина примчалась за помощью в дом, бабуля раскудахталась, словно курица, слетевшая с насеста, Меликки бормотала непонятное, металась по избе, шараясь от печи к окну, собирала травы да мази. Едва успела, но спасла рыжую. Правда, Катерине пришлось пожертвовать левым мизинцем. Бабуля так и сказала: «Плата за проказы твои».

И оттяпала палец под корень.

– Жених про мизинец не спрашивал?

– Всем интересно, бабуль. Особо любопытным отвечаю, трамвай отхватил, когда Аннушку с рельсов оттаскивала, – усмехнулась Катерина. – Те, кто Булгакова читал, смеются, с другими неинтересно.

– Так ведь то знак был, милая, оберег шершни учуяли, тебя не тронули, знали, что своя.

Катерину пробило мурашками, она медленно достала с груди маленький желтый кругляшок на серебряной цепочке. Так вот, про какой оберег бабуля вещает. Сколько Катерина себя помнит – он на шее болтался, желтый камешек этот, мать просила никогда не снимать. А вот Кириллу не нравился, спрашивал, что за камень, а Катерина и не знала толком, думала, янтарь.

– Это, котенок – смола священного можжевельника, хорошо тебе послужила. Сними, почищу в ночь от набравшейся скверны, еще деткам своим передашь по наследству.

Про деток Катерине понравилось, подняла глаза на Меликки, в зрачках плеснулось любопытство:

– Что там с зеркалом, бабуль?

– Вот и чудненько. Созрела, моя ягодка. Вот смотри – травку в миску кладешь, камень-змеевик туда же и щепку рябины, произносишь вслух строки, я тебе запишу. Потом загадывай, чего увидеть желаешь, поверхность зеркала протираешь пучком полыни справа налево и словом «Sekä», что в переводе «Да будет так», в конце закрепляешь. Это первая часть, котенок, самая простая, с нее и начнем.

Катрина понимала мистичность происходящего с момента появления бабули. В семье про нее старались не говорить, и причин Катерина не знала. Нет, ее домашние, бесспорно любили по-особому, молчаливо. Катерине казалось, что Меликки боялись. Мать напрямую не рассказывала, кто бабушка. Кем работала, почему почти в лесу живет? Даже вслух эти вопросы не задавали.

Когда Катерина первый раз в деревню попала, ей и спрашивать надобности не было – Яга, и все дела. Катерине нравилась простота бабкиной избы, кладка печи в трещинках, изогнутые ухваты в углу, ведро колодезной, всегда холодной воды возле окна, крепко сбитый стол, короткие деревянные лавки вдоль стен. Помнится, ей интересно было знать, почему бабушка не купит стулья, как у них на квартире, и что варит она там, такое пахучее в печи да в пяти горшках одновременно. По детской наивности искала она ступу, помело и обязательно кота – желательно, говорящего, чтоб подружится.

Метла стояла в пристройке-дровнице, куда же без помела в деревне, а вот животинку Меликки, кроме петуха, не держала: времени на нее не было. Катерина интересовалась, зачем петух, а бабуля смеялась: дескать, это будильник. Оно и вправду так было, это Катерина наивно считала – живность чокнутая, раз орет с утра и до вечера без перерыва.

И, в общем, только после происшествия с Жанной, пришло в голову понимание, что бабуля у нее колдунья. А что, не зря она дни напролет людей принимает – знахарь местный. Тянулись люди, задавленные горем, молчаливые в своих слезах, а уезжали с просветленными лицами. А еще Катерина помнила, как ближе к ночи уплывала Меликки за реку, не любила мостком пользоваться, лодку с коротким веслом держала. Катерина подглядывала в оконце, как скользит бабуля пятном меж кустов. Куда, зачем – тайна.

Спустя много лет мать, художница-импрессионистка, страстная последовательница солнечной школы Лорана Парселье¹, чей стиль странно выглядел на фоне хмурых видов «мокрого» Санкт-Петербурга, втолковывала Катерине:

– Ведунья наша бабушка, знахарка, это сильно отличается от того, что ты нарисовала в своей голове, так что языком не трепи, не наговаривай попусту.

Катерина соглашалась и вспоминала про существование Меликки, лишь попав в мастерскую матери. Та редко писала родных – Катерину раз всего – а бабулю часто набрасывала на эскизах. Катерине нравилась картина, где Меликки в искрящемся желтом платье, похожем на подвенечное, с распущенными волосами, раскинув руки, сидит на черном пне на фоне сочно-зеленых елей. И на вид Меликки словно двадцать, и глаза брызжут радостно зеленью.

Уже в зрелом возрасте Катерина прояснила, что бабуля к творчеству матери относилась снисходительно, считала забавой и пустой тратой времени. Хотя жизнь матери в представлении Катерины являла собой великолепный образец единения увлеченности и высокооплачиваемой работы.

Отец держался от тещи подальше, не ездил в деревню, умело отгораживаясь делами. Вечный инженер запоем читал детективы, не различая имен писателей, и постоянно носил во внутреннем кармане пиджака сканворд для поездки в метро. Катерина не была уверена, знает ли

---

¹ Лоран Парселье – французский художник и иллюстратор, принадлежащий к плеяде современных экспрессионистов. Работает в созданном им «стиле солнечного света».

отец адрес мастерской матери. В галерею на «обязательные» – как говорила мама – и наиболее значимые выставки он приходил просто потому, что мать приглашала чету Виткиных.

Главврач крупнейшей в городе больницы, где отец служил инженером-энергетиком, дородный дядька в годах, с седой бородкой а-ля Троцкий, питал искреннюю любовь к творчеству матери, часто не торгуясь покупал ее работы. Вывешивал в огромном холле больницы. Для отрады глаз пациентов – так любил говорить. Мать его обожала. Но по службе Виткин отца не двигал. Тот не расстраивался, тянул работу с удовольствием, лишь мать недовольно сжимала губы. И как-то раз, случилось удивительное: буквально за год отец стремительно добрался до позиции замглаврача по административной части. И с удовольствием взвалил на свои худые плечи заботы о гаражах, складах, охране, пищеблоке и прочем. Отец на глазах расцвел, заиграл на щеках румянец, заблестели глаза. Теперь работа занимала все его свободное время.

Катерина однажды услышала фразу матери, брошенную с легким упреком отцу: «Если бы не Меликки, так и сидеть тебе инженером, мог бы и поехать на недельку, поблагодарить старуху. Заодно рыбку половишь, воздухом подышишь и здоровье поправишь, а то кряхтишь по утрам, словно раненый, со своим ревматизмом. Она уж поверь – восстановит, козликком примешься бегать».

Отец не желал становиться козликком, отмахивался, улыбаясь, бурчал, что, мол не просил никого за должность. Тогда смысл материной фразы Катерина не уловила, а сейчас поняла: бабуля отцу помогла пробиться.

Меликки попросила принести тетрадь и ручку для записи нужных фраз, кои необходимо выучить. Катерина принесла блокнот. Навалившись грудью на стол, бабуля старательно выводила слова, закончив, подвинула исписанные листы внучке.

– Ну вот тебе заговор на зеркало, давай пробуй, котенок.

«В конце концов, чем я рискую, – подумала Катерина, – раз пришло время, почему не проверить, как подарок работает».

Они перенесли стулья в коридор, Катерина уселась, уперлась взглядом в отражение. Зеркало и зеркало, ничего необычного: отражение желтых светильников прихожей и ее задумчивый взгляд.

Взяв пучок травы Катерина зачитала фразу из блокнота, показавшуюся запутанной и нелепой, зажмурилась и провела ладонью справа налево.

– Sekä.

Подождала чуток и открыла глаза. Откинулась в шоке на спинку стула. На нее исподлобья взидало бледное, осунувшееся лицо, темные круги под глазами, кровоподтек на скуле, искусанные губы и сожженные перекисью волосы. Невеселый портрет.

– Вот блин... – она загадала увидеть себя, после трех лет брака с Кириллом.

– Peili on sinun alaisesi, – всплеснула руками Меликки. – Сильна ты, котенок, и слова неправильно произнесла, а все одно получилось. Ну вот, убедилась. Теперь веришь? Вот и размышляй тогда, готова ли принять мою силу. Только учти – это на всю жизнь, и поверь: станут крайне интересными твои дни. А я помогу – не сомневайся. Думай, котенок, думай, шевели, как у вас говорят, извилинами.

Катерина заерзала, поджала тонкие губы, лоб вдруг покрыла испарина. Сложный выбор, ведь то, что предлагала внезапно свалившаяся на голову бабуля, не просто мистический дар – это бремя, некая миссия, которую несла Меликки, а теперь тащить ей, Катерине, а ведь она даже смысл ее не знает. К чему ей готовиться?

Катерина вздрогнула, будто укололась, в голове заметались образы один другого мрачнее, на языке крутилось слово, от которого поползли по спине мурашки – «ведьма». Теперь и ей предстоит? Лес, горшочки, корешки, шершни, люди...

И как этим даром распорядиться? И нафига оно ей?

Меликки ждала, наблюдая противоборство на лице внучки. Подобрала в резинку выбившиеся седоватые волосы, раскурила по новой трубку, и дымок лениво потянулся в окно, оставляя на сей раз более легкий запах.

– Типа мое наследство, так я понимаю, – усмехнулась Катерина, поднимая глаза.

– Можно и так сказать, кому, как не тебе, – кивнула благодушно бабуля. – Такое на сторону не отдашь.

Предложение шло вразрез с личными планами Катерины, расстаться с давней мечтой о собственном салоне красоты было невероятно сложно. Да и потом, у нее есть соучредитель-партнер Марина. Бросить ее? Помимо внесенных в проект денег, Мара помогала с бизнес-планом, научила рассчитывать прибыль, расходы и зарплаты сотрудникам. Катерина буквально по ночам составляла альбом женских причесок и мужских стрижек, планировала выйти на рынок с ошеломляющим предложением. И теперь от всего отказаться?

Четыре года учиться парикмахерскому искусству, войти в полуфинал Национального конкурса, много лет терпеть прозвище «Стриж» – она знала, под каким именем забит в телефонах подруг ее номер. Все псу под хвост? Стать непонятно кем, ведь и профессии такой нет: подсматривать в зеркале чужие жизни. Ее терзала потеря времени: только прайс-лист она разрабатывала более месяца. объездила с десятков салонов, сравнивала, сопоставляла, анализировала. Ощущала радостный трепет, когда Мара нашла через мужа подходящее помещение на Московском.

Остановиться на полпути? Нет... Никогда. Она не согласна скинуть в корзину времени свои амбиции, цели и планы. Она не готова...

Хотя, с другой стороны. Если подумать рационально... Предложение Меликки лежит настолько в иной плоскости, что сложно представить открывающиеся перспективы. Это ж она такое сможет!

Эго, замаскировавшись под червя сомнений, усердно подкидывало ей новые аргументы – за.

Бабуля пыхла трубкой, словно заправский моряк, растягивала в улыбке широкие скулы:

– Что тебя тревожит, котенок, с чем не можешь расстаться?

Смотрела при этом строго.

– Да бизнес хочу открыть, бабуль, – выдохнула Катерина горестно, рассматривая поверхность стола.

– Чего открыть, прости, не поняла?

– Салон красоты, парикмахерскую по-простому. Работать на себя хотела, а не на дядю. Людей стричь, прически там, завивки, укладки, колорирование, ламинирование волос. Ну и маникюры, педикюры, то есть ногти в порядок приводить. Массаж параллельно, эпиляцию.

Меликки взглянула на когтистые морщинистые пальцы, длинные ногти, желтоватые и блестящие, точно слюда, с каймой серости. Усмехнулась, поджав кончики пальцев.

– Ну и прочее разное, маски омолаживающие, – тут Катерина запнулась, замолчала растерянно.

– И что мешает? Дело твое только в пользу, скольким людям помочь сможешь, а?

Бабуля со вздохом откинулась на спинку стула, и та возмущенно хрустнула.

– Помню, тоже работала. В большом городе. Думала, ведь взрослая теперь, умная. Давно это было, в богатом доме жила, почти дворец. Золотые канделябры, лакеи на изломе. Молода была, горяча, своенравна, либо, по-моему, либо никак, ну прямо как ты сейчас. Знала – не просто так сила дана, а пользовалась неумело, глупо, дров наломала. Потом война вроде как исправила, но...

– Это какая же война, бабуль? – не удержавшись улыбнулась Катерина.

По ее расчетам Меликки около восьмидесяти, если считать от матери, которой в прошлом году пятьдесят два справили. Хотя бабуля и выглядит на шестьдесят, ну это спишем на мистическую составляющую.

Меликки не обиделась:

– Здравсьте! С немцем наши вступили, не учила будто историю. В августе началась, помню, лето холодное выдалось, дождливое. Я уже в деревне жила, с города съехала, тогда во всеуслышание царь-то объявил: вступает мол, Россия в войну с немцами.

Меликки замерла, рот прикрыла рукой, поняла, что сболтнула лишнего. Катерину слова в ступор вогнали, сердце бешено застучало – это ж сколько бабуле лет-то... Вот дела. Ну или старческий маразм.

– Сколько ж тебе было? Выкладывай про истоки. Если наследство мистическое, то я предысторию его знать обязана. Как получилось, что тебя выбрали, почему?

– Больно ты приткая, котенок, ни к чему тебе это, рано. Молодая я была, говорю же. Давай к зеркалу вернемся, к посвящению – если готова. От тебя терпение требуется и внимательность. Время займет немало, настройся.

Катерина отбросила последние сомнения, втянула воздуха, словно готовилась в прорубь сигануть, спину выпрямила. Раз суждено невероятному в судьбе сотворится, так и быть тому.

– Не, бабуль, условие есть, сначала расскажи, как тебе дар передали.

Меликки помолчала, грубые черты дрогнули, уголки губ подтянулись:

– Ох, и дотошная ты, котенок, расскажу, коли просишь. Не все так просто, как думаешь.

Глава 2. История Меликки. Первая

– Первые заговоры помнится, я услышала в три года от бабы Локки, что с карельского будет «чайка». Во дворе пурга хороводы водит, за слюдяным оконцем тень налегла, намело снега по пояс. Просителей у Локки нет: не добрались в непогоду, а обычно два-три ходока на крыльце от ненастья трясутся. На столе огарок свечи расплылся, огонь дрова лижет, песню тянет, печь березовым духом исходит. От стен лесным разнотравьем парит, веники подсыхают, что заготовлены для отваров. Локки их водичей в полдень сбрызгивала – от пересушки. Бабка старая, беззубая уж почти, заберется на лавку, хлеб в водиче горячей размочит и сосет вместо ужина. Глаза ее к тому времени дневного света не видели, зато душу просителя просвечивали насквозь, в будущем блуждали, высматривали опасности.

И вот сидим мы на лавке, я ногами босыми болтаю, Локки мне молитвы да заговоры шепчет, то на русском, то на финском бубнит, то мешает с карельским. Требуется запоминать. А я, глупая, не пойму, к чему это мне, зачем, да и скучно. Смотрю в оконце, где мороз узоры выкладывает – интересно. Тогда Локки другое придумала. Прошла на ощупь к печи, накидала трав в горшок, заварила отвар, заставила до капли испить. Тепло от печи, на полу шкуры оленьи, об оконце снежинки бьются, словно мотыльки на свету. Я и задремала.

И вот, котенок, снится мне, как сижу я на поляне лунным светом залитой. Трава жесткая, что медвежья шерсть, вокруг ели мохнатые – просвета не видно. Неба серого круг и луна, как лампа, ну тогда электричества, понятное дело, не знали, но сравнение хорошее. И запах густой, хвойный, терпкий – нос сводит и в горле першит. Тут вдарил гром, и враз покрылось небо разводами, молнии во все стороны побежали, и дед на поляну вышел. В зеленой рубахе, борода седая по грудь, в волосе искорки пляшут, скулы от взгляда сводит. И запах.словно дождь летний прошел – свежо и на сердце радостно. Потом узнала, что Укко² в родном обличье приходит к провидицам, а мне и не страшно вовсе, ждала, может, чем угостит.

Он словно услышал мою просьбу, вытащил из шаровар чудо неземное – петушка красного на палочке, края белые, серебром сахарным обсыпаны. Сунул мне в руку и говорит:

– Дам тебе, девонька, две судьбы на выбор, ты хоть и мала ишшо, но сообразишь, что выбрать надобно. Перва судьба твоя...

А я уж леденец зализала, язык онемел, нетерпеж на укус испробовать, да зубов ряд нестройный, подобного вкуса не испытывала – матушка только корень лакричный давала по праздникам, а тут – неизведанное. Все мысли о петушке осели в голове сахарной пенкой. Дед рукой леденец от моих губ отвел:

– Обожди, милая, успеешь наладиться, слушай судьбу первую.

Я спохватилась, от слова незнакомого листом вздрогнула, спрашиваю:

– Что такое судьба, дедушка?

– Жизнь твоя будуща, покажу как на ладони.

Я кивнула, не сильно уразумев, о чем говорит старик. Ладно, думаю, пусть гундосит. Леденец вкусный, сил нет, то и дело язычок к нему вскидываю.

– Первая жизнь твоя, девонька, протянется на сорок шагов, на сорок первом оскользнешься. Бабой станешь обычной, как все соседи твои в деревне. Двадцать два шага с мужем проживешь, четырнадцать деток в свет принесешь, десять земле отдашь. Горести и тяготы людские познаешь: голод, что брюхо выворачивает; болезни, что нутро вытряхивают половиком; обиды жгучие да незаслуженную неверность; труд с утра до ночи, от которого кости, как опосля бани ломит; смерть родных, что душу иссушит, как травку – солнце палящее. Все пройдешь.

---

² Укко – «прародитель», «дед», «старец». Верховный бог, божество неба в карело-финской мифологии.

Он говорит, а у меня картинки перед глазами прыгают, резкие, неприятные до тошноты. Точь-в-точь по его словам. А дед все вещает, голос ровный, но аж внутренности от него вздрагивают:

– Но и радости чуток жизнь плеснет, с любовью – как без этого, немного да будет: когда первенец криком зайдет, ласточка на рассвете песню споет, когда наешься досыта, да после трудов вечерней свежести на крылечки вдохнешь, когда муж приголубит. Радости, они в малом проявляются, как дуновенья ветра: раз – и снесло их, будто и не было вовсе.

Я вздрагиваю, мурашки по спине ползут муравьями, щекочут, половину слов не поняла, но схватила одно, ясное, как солнце в зените: хорошего мало предвидится. Молчу, жду продолженья, с петушка глаз не спускаю: как бы не исчез, не растворился в синеве воздуха.

– Вторая судьба покрасивше, с виду как твой леденец: царское угощенье, да на вкус перемешана с солью, человеческой болью разбавлена. Долго идтить придется, шагов не посчитано, пока не народится та, что силой подобной напитана, только ей уменя передать сможешь, тогда и отдохнуть сможешь.

– А что ж там интересного в другой жизни, дедушка? – спрашиваю, а сама думаю, когда уж сказки закончит сказывать, страсть как леденец охота в рот сунуть.

– Много чего проживется, не перечешь, все вперемешку: во дворцах царских гостить да в лесу ночевать; любимой быть да самой не любить; детишек нянчить да со зверьем беседовать. Но главное – шаги других видеть да подсказывать правильные, от болезней предупреждать да от бед. Нелегко придется, душа пополам порваться захочет, одной ногой в людском мире, другой в моем, но так небом подсказано, мной лишь поведано. Ну?

Тут он косматые брови вскинул, искорки вспыхнули, в небе железом звякнуло. Я леденец едва не выронила со страха, показалось, в глазах его молнии пляшут.

– Выбирай, Меликки, судьбу, да не прогадай, иного раза не будет.

Я слюну сглотнула, говорю ему:

– Не Меликки я, дедушка, прогадали вы, Акилинкой меня кличут, Андреева дочь я.

Вот, думаю, сказки мастер рассказывать, а имени маво не знает, попутал, старый, сейчас и леденец отнимет.

– Акилинкой до встречи со мной звалась, Меликки станешь, коль правильный выбор сделаешь.

А что выбирать-то, девоньке лет трех от роду, мож, постарше, но я и разговаривала-то с немалым трудом, а тут такое. Понравилось про «чужие жизни высматривать» да про дворцы, хоть и не знала, что оно значит, вот головкой чернявой кивнула.

– Не желаю, дедушка, сорок шагов жить, хочу во дворцах.

То ли гром в клочке серого неба грянул, то ли бабуля по щекам в избе обходила – очнулась я. Темно уже, лучина едва теплится, пурга пуще прежнего о стены бьется, Локки склонила лицо сморщенное, улыбнулась беззубым ртом:

– Ну что, роденькая, как звать-то тебя?

Я вздрогнула телом, сейчас бы сказала – током ударило, тогда судорогой изошла в коромысло, а руки липкие, расцепить не могу, взглянула: бог ты мой, леденец держу, расчудесное чудо.

– Меликки теперича звать, – говорю, а сама дрожу от радости, язык к петушку тянется.

– Вот и случилось знаменье, – выдохнула старая Локки, воды из снега натопленного отпила и спать легла как ни в чем не бывало.

Вот так, котенок, бабушка Локки передала мне свои полномочия, выражаясь на сегодняшней лад. Ученичество катилось, как колесо смазанное, от малого к большому. Обряды осваивала: пастушеский «обход» зарывать около воды; снимать землю с копыт коровы купленной; втыкать грамотно можжевелевую ветку за притолоку двери; выносить больного ребенка к

окну; сливать воду через дверную скобу; гасить пожар молоком черной коровы и многое другое, что исполнялось только – «знающими».

Локки ту науку играючи передавала, а может, я готова была, подошла к тайным знаниям с рожденья. Все у меня получалось. Сколько воды утекло, а первый заговор до сих пор помню. У пастуха Тапани корова по лету пропала, на лугу паслась в стаде. Пока он водицы из ручья испил, глядь – корова исчезла. Полдня искал – без толку, хоть волком вой. Прибежал к вечеру к Локки, в дверь барабанит, руки трясутся, с носа сопли летят.

– Помогай, – говорит, – Локки, что делать, не знаю.

Локки хмурится, в душегрейку овчинную кутается: мерзла в любую погоду и накидку не снимала, спала в ней и народ в ней принимала, кожей срослась. В ней и в лес, за черту ушла.

Так вот, баба Локки и говорит: «Вот тебе, Тапани, помощница моя малая, Меликки зовут, враз корову твою найдет, дай время».

Пастух так и замер, усы плетью обвисли.

– Не смыслена, – чешет он усы, – девка твоя, разве по силам ей такое?

Бабуля цыкнула, и он согласился.

Шептала я трижды заговор, в ночи у шестка печи: «Лога раннашша оне кюлю, кюлюшша мушта кюуга, мушошша кюугошша истух валги тюттё, пюхку и пухаштах нечести, кайкишта паганушто золатухах шюхюштах грызистех вилух кужой вилуй куйвай харакка».

Вот ведь, до сих пор от зубов отскакивает. Все чихнуть, помню, боялась, дым от печи нос щекотал. Тапани-пастух у дверей ждет, едва не плачет. Так я белую коровенку в бурых пятнах как наяву разглядела – та у болота в тине увязла, морда едва торчит. Вовремя успели, вытащили.

Понравилось мне. Радостно, когда получается, мураши до макушки бегут да обратно гурьбой валяются. Говорю Локки:

– До сильных дел пора, баба, видишь – справилась.

Поинтересней пошло, училась уже на просителях: «грыжу кусать» – разными способами; останавливать и пускать «черную кровь»; сводить семьи; искать людей и скот попавших на «худой след»; лечить от призора да «полуночницы» и другое, разное. Завертелась, закружилась веретеном жизнь; года смутные настали – в Олонце егерский полк формировался, ополчение по деревням собирали, француз на Москву ступил. Годы праведные, времена военные да голодные, разное было, всего не перевспомнишь. И звали меня по-разному, каждый период времени свой слог имел: «книжница», «знающая», «провидица». Кто и колдуньей кликал, а кто и ведьмой. Со многими шагами мои пересекались: со знатью, в чьих домах судьба пристанище уготовила, с крестьянами без роду и племени, с убийцами, ростовщиками, со святыми да некрещеными. Все судьбы просматривала, как открытую книгу, но это уж потом, когда в силу вошла.

Меликки улыбнулась:

– Это ты у меня «небесами рожденная», дар твой в нашем роду – первый подобной силы, в народе человек, кому без обучения все дается – талантом называется. Поправь, коли неправда.

– Не знаю, бабуль, – разволновалась Катерина, краснея и пряча руки в карманы джинсов. – Не мне судить о способностях.

Но от рассказа бабули мураши и у Катерины по спине побежали, отбросила она последние сомнения. Раз суждено невероятному в судьбе сотвориться – так и быть тому.

– Ну хорошо, бабуль, выкладывай свои подробности, готова я к посвящению.

Глава 3. Свадьбы не будет

Меликки уехала спустя трое суток, и все это время Катерина отменяла клиентов, не обращала внимания на бесконечный поток СМС и негодующих вопросов в WhatsApp, и полностью выпала из соцсетей. День отъезда выдался солнечный, безветренный, после ночного ливня в лужах отражались деревья. Бабуля встала рано, быстро собрала рюкзачок, натянула отглаженную панаму и категорически отказалась от провожаний.

– Нечего время терять, котенок, сама доберусь, не впервой. Будем на связи, как ты говоришь.

Катерина накануне купила телефон, зарегистрировала сим-карту, и невдомек было, что Меликки он без надобности.

– Зеркало, котенок, лучше новомодных штучек, поверь мне. Ты думаешь, как я с твоей матерью всю жизнь общаюсь?

Катерина только сейчас про мать вспомнила, надо было на чай пригласить, как-то сразу не догадалась. Показалось, что Меликки мысль ее услышала, засмеялась, скрипуче, будто сахар в ступке перетирала.

– Мамка твоя в Москве, выставка у нее, недосуг. Так вот, когда твоя мать собралась в город по молодости, в деревне не было телефона, до райцентра сорок километров почти. Так-то.

Про Москву Катерина не удивилась, интересно стало другое:

– Так ты говорила, мать отказалась от дара?

– Отмахнулась от посвящения. А зеркальце, я для общения подарила, научила пользоваться. Дочь, как-никак, да и удобно.

Катерина припоминала ручное овальной формы зеркало в ажурной медной оправе, мать не оставляла его в комнате, запирала на ключ в ящичке стола в спальне. Надо же, мать и молчала.

Про такси Меликки и слышать не захотела. Чмокнула в щеку внучку оставив после себя запах клевера и ромашки и вышла к лифту. Двери с лязгом захлопнулись, тросы заскрипели металлом. Катерина долго смотрела из окна кухни на влажную крышу подъезда, но Меликки так и не появилась. Черная ворона выпорхнула из-под металлического козырька и тут же потерялась в кроне деревьев. Часы на стене отбили семь, зевая, полусонная Катерина решила, что работа подождет и сегодня.

Встала поздно, за окном накрапывал дождь, В теле разлилась бодрость, перемешенная с азартом, словно гончую вывели на тропу, руки так и чесались попробовать в деле дар, проверить еще раз работу зеркала, потренироваться. Вопрос, на ком? Просителей нет, помощь никому не нужна, она еще ученик, без опыта. Меликки за эти дни наговорила «нужного» на три зеленых тетради неровным почерком, что лежали теперь в ящичке кухонного стола.

Не тетрадки, а целые манускрипты, в которых предстояло еще разобраться: заговоры от болезней, на исцеление и удачу, описания обрядов, составы мазей, назначения и свойства трав. Все необходимое под рукой, как сказала Меликки, и просила Катерину назубок выучить содержимое толстых тетрадей. Сколько же всего навалилось за эти три дня...

Катерина и вправду почувствовала сопричастность к мистическому, а бабуля говорила, к «чудесному». А как иначе о назвать ощущение свободы, избавление от любви к такому важному еще вчера человеку, жениху, предложившему руку и ....

Она наморщила лоб: «Что именно предлагал Кирилл помимо руки с безукоризненным маникюром? Точно не сердце, и не долю в своем автосервисе».

Теперь, заглянув в «зеркало судьбы» – так Катерина окрестила мистический прибор в коридоре – она знала, что помимо руки предлагались: боль, слезы, семейное ложе в крови,

сломанное ребро и перебитый нос. Она предполагала, что далее могли последовать унижения в сексуальном плане, и эмоциональное опустошение, как без этого. В итоге поломанная судьба в круговерти судебных и больничных коридоров. А может, и самоубийство. Катерина задохнулась от внезапной догадки. Или смерть от истощения на больничной койке. Никто не знает. И спасло ее все-таки чудо.

Кирилл пришел утром следующего дня. Долго звонил, покачиваясь с носка на пятку в остроносых модных ботинках. Посматривал по сторонам блуждающим взглядом.

«Красив», – подумала Катерина, наблюдая за ним в экран монитора.

Хвост небрежно стянут резинкой, щеки небриты, у бородки размылся контур. Катерина не почувствовала ни злости, ни радости. Навалилась тоска. Запершило в горло, и она хлюпнула носом – вот тряпка, не раскисать, ты же лично видела, что будет дальше.

«Держаться, – скомандовала себе, – все будет хорошо, жизненный план „номер один“ накрылся медным тазом, или железным. Пофиг»

Она распахнула дверь и вынесла на порог чемодан и два раздутых от его тряпок пакета. Выставила, словно защитный барьер, через который невозможно пройти. Пограничная полоса. Проход воспрещен.

Отдельно подала костюм в целлофане. И встала, прижавшись к косяку двери, колени вдруг ослабли и норовили согнуться. От Кирилла исходил кислый запах перегара и одуряющий аромат «Эгоиста». Сунув руки в карманы бежевого плаща, он непонимающе смотрел на распухший чемодан. В него Катерина уложила, запихнула, утрамбовала: джинсы, майки, рубашки, носки, трусы, галстуки. Его куртки, кроссовки, ботинки, шлепанцы, и прочие мелочи сложила в пакеты. Выдохнула. И он выдохнул непонимающе перегаром:

– Солнышко, а я не понял, че за хрень?

В голове ее будто воробей чирикнул – наглый, взъерошенный, с этим вот развязным «че»:

– Прости Кирилл, только вчера поняла окончательно, не люблю тебя. И замуж не хочу. Прости еще раз, нам надо расстаться.

Она говорила и не верила, что это ее собственные мысли и голос. Бог ты мой, на туалетном столике еще лежал исчерканный список гостей. Только вчера его длинные пальцы ласкали ее тело, а пронизывающий насквозь баритон шептал что-то нежное в ухо, И теперь она его не увидит. Никогда.

А может, появление Меликки, кровь на стене в спальне, испуганное и забитое существо в зеркале – все приснилось? Бывают такие сны, где все будто взаправду, настолько реалистичные, что человек не осознает, проснулся он или еще спит.

Катерина обернулась и заглянула в коридор, зеркало пряталось под белой шалью. Значит, не сон.

– Вурдалак, – зашептал в форточку ветер.

– Вампир, – проскрипел лифт опускаясь на первый этаж.

– Гони, – хлопнула дверь наверху.

Катерина будто очнулась: тьфу ты, какое-то наваждение. Кирилл все стоял, его лицо выражало недоумение.

– Малыш, ты в своем уме? Я не понимаю, объясни, что случилось-то. Мы же в 3-загс собрались, с-свадьба там, гости, бюджет.

Заикается, значит начал злиться, Катерина знала его недостаток, но в данную минуту, это прозвучало предупреждением. И еще. Вот ведь странная штука, она прежде не замечала, как его длинные пальцы, словно у музыканта, сжимаются в побелевшие от напряжения кулаки. Как в такт с его заикающейся речью наливаются кровью глаза.

«В какой момент, – подумалось вдруг Катерине, – этот кулак полетит мне в лицо, как в той картинке из будущего. Не хочу. Никогда. Ни за что».

Она протянула ему кредитную карту:

– И это забери. Все, что потратила, верну. Свадьбы не будет, ты плохо слышишь. Ничего не будет.

На его небритых щеках проступил румянец, Кирилл ударил ее по ладони, карта шлепнулась на пакеты.

– Т-так не надо со мной г-говорить, я тебе не п-пацан с улицы. Я товарищ особенный. П-пожалеешь ведь.

Катерину пробил озноб, Кирилл уже походил не на воробья, а больше на коршуна. Но и она отступить не собиралась: выбор сделан.

– Прощай, Кирилл. И не смей мне угрожать.

Вот и вся любовь. Она с силой хлопнула дверью, едва штукатурка не отлетела. Замерла у стены, прикусила язык – вот дура, какой смысл был так открыто показывать эмоции.

Поклялась же себе, быть более сдержанной, но на сердце от этого надрывного «по-пожалеешь» заскребло и зануло. Слышала разные истории про бывших, про насилие, преследование.

«Ладно, – она вытерла слезы, которые все равно набежали, – в конце концов, я внучка ведьмы, и на каждого упыря, если что, кол найдется».

После всех событий, когда улеглась на сердце печаль и укатила бабуля, у Катерины чесались руки опробовать дар. Пальцы зудели, словно наэлектризованные, кончики покраснели. Такое у нее случалось перед стрижкой «важных» людей – из мэрии, например, или известных артистов – но стоило ей прикоснуться к волосам клиента, и руки творили истинное волшебство. М-да. Меликки показала ей, что она способна на большее, на невероятные вещи, о которых не могла и помыслить. Успех требовалось закрепить. С кем сыграть в игру «Загляни в будущее», она знала. В кругу близких друзей вращалось три человека: неудержимая Мара, заумная Жанна, и веселушка Надя.

Они дружили со школы, ссорились, мирились, влюблялись. Все, как у всех. Лидером в их компашке считалась Мара. В школе ее прозвали «Бешеной» за взрывной темперамент, она терпеть не могла критики в свой адрес, дерзила учителям, а однажды даже выбила кирпичом стекла в спортзале, отомстила физику, за сделанное замечание. Маре показалось, что неприлично. В классе знали, с «Бешеной Марой», лучше не связываться, но Катерине нравилась ее неординарность, с ней было весело. И как потом оказалось, подружкой, Мара была надежной. Катерина выбрала в списке быстрого набора двойку – Мара,

– Абонент занят или временно недоступен, – вещал в трубке бездушный голос.

Жанна. Рыжая поклонница разума, аккуратная и расчетливая. Пять раз подсчитает, выгодно ли брать кожанку в «Снежной королеве», или дождаться поездки с матерью в Турцию, где сможет сторговаться дешевле. С правильными сложно дружить, Катерина просидела с Жанной за одной партой все младшие классы и удивлялась ее целеустремленности. Жанна единственная из всех выбрала профессию еще в школе, решила, что будет врачом. Катерина, списывала выбор Жанны на семейную составляющую, отец – гинеколог, мать – дантист, попробуй тут выпрыгнуть из круга.

После случая в деревне они стали меньше общаться, после окончания школы даже и не созванивались. Только спустя годы общая подруга Мара наладила с Жанной контакт, и общение постепенно возобновилось. В телефонном списке Жанна значилась под номером три. Катерина посмотрела на часы и звонить не решилась: одиннадцать дня, Жанна врач-офтальмолог, может быть занята или пациент на приеме.

Оставалась толстушка Надежда. Обаятельная говорунья, любительница танцев и языков, которые не давались ей в школе. Тогда Надя уверяла подруг, что у каждого в голове хранится саркофаг с языками, надо лишь подобрать ключи. И пока с подбором у Надежды имелись явные трудности, она не отрывала глаз от шпаргалок – будь то английский, физика или любой дру-

гой предмет. Катерина не верила в языковой ящик, а Мара, глядя на потуги Надежды, смеялась, что та, вместе с отцом заперта в границах, выстроенных ее матерью, суровой работницей Минкульту.

Зато потом Надя удивила их всех, закончив универ с красным дипломом и заговорив на английском и китайском не хуже носителей. А ведь в школе едва тройки вытягивала. Надежда в списке шла первой, и Катерина решительно набрала номер.

– Абонент временно недоступен, – сообщил в трубке голос.

«Вот ведь, – Катерина взглянула на подарок Меликки застывший в коридоре под белой накидкой, – магический инструмент есть, а желающих его опробовать не собрать».

Как-то раз, уже обучаясь в Академии парикмахерского искусства, Катерина обзвонила подруг и они встретились в ресторанчике на Итальянской улице. Веселая, не в меру располневшая Надежда, сосредоточенная и строгая Жанна, и Мара, приехавшая на новогодние каникулы из Лондона. Вспомнили школьные «золотые денечки». совместные приколы, загулы. Посмеялись. Родилась идея завести негласный обычай раз в две недели тусить по пятницам. Позже собирались – правда, уже без Мары, что укатила доучиваться. Засиживались допоздна, часто перетекая в какой-нибудь ночной клуб. Ритуал прожил недолго, выскочила замуж Надежда, нашла суженого Жанна, и все само собой завершилось.

Воспоминания разлились теплом в груди, Катерина посмотрела в окно, хорошее было время, легкое, как небо в июне над Питером. Заверещал телефон, с экрана надменно взирала яркая брюнетка с точеными скулами. Мара, ну наконец-то, Катерина улыбнулась и ответила.

Глава 4. Мара & Жанна

Ветер усилился, нагнал с залива гроздь пегих облаков. Вода подернулась рябью, швертбот³ закачало, стукнуло о край деревянного пирса. Мара переждала волну и, отпустив фал, торопливо шагнула на изъеденные соленой водой доски. Чуть ломило затылок – впрочем, ничего необычного, она привыкла к ноющей боли, списывала на непогоду. Кивнула пробегающему мимо парню в штормовке, лицо показалось знакомым. Проводила взглядом его широкие плечи и поджарую задницу, втянула растворяющуюся в воздухе смесь его пота и аромата «Армани». И облизнулась.

Рядом на узкой, с белым бортами лодке поднимали парус, готовясь выйти в залив. Стас, товарищ по клубу махнул растопыренной пятерней, Мара ответила. Вдали скользили разноцветные паруса, нависали с бортов фигурки, удерживая крен, и сердце Мары пело от радости, завтра и она – в бой. Ее выход. Гонки на «Приз закрытия навигации». А вот потом она позвонит Денису – вроде так зовут того красавца с короткой стрижкой в штормовке.

Мара взглянула в телефон, пролистнула пропущенный от Катерины, открыла вкладку-барометр: только бы завтра не дождь, она не любила гонять в непогоду. Стрелка в приложении медленно падала, и дойдя до 748 мм, остановилась. Черт, не миновать дождя.

Катерина. С утра она редко звонила. Возможно, что-то по проекту салона спросить? Но по деньгам уже все решили, острые моменты обсудили, договор подписан, доли разнесены. Мара ткнула кнопку вызова:

– Але, Катюха, чего случилось? Я на воде, баркас готовлю, гонка с утра. У тебя что-то срочное?

– Привет! Я тут подумала, пятница, может, вечером соберемся. Я Наде позвоню, она, правда, сейчас недоступна. Может, ты наберешь Жанне? Вы в более близком контакте. Выпьем, как в старые времена, по бокалу, поболтаем, сто лет не виделись. Ну и разговор у меня есть. Реально, на миллион. Что скажешь?

Судя по возбужденному, звенящему голосу, у Катюхи случилось нечто приятно-неординарное. И первое, что пришло Маре в голову: Катюха беременна. Только миллион тут при чем?

– Да ладно, знаю я, чем бокалы и серьезные разговоры заканчиваются, а у меня старт завтра в десять. Хотя... дай подумаю.

Она посмотрела на пирс – лодка готова, Дмитрий Вячеславович как правильный муж заранее предупредил, что зайвится в ночь, сегодня пятница, по расписанию обязательная банная процедура у замминистра. Маникюр у нее на три, массаж в пять. Максим укатил в Киев к маме. У Виталика день рождения дочери – вот ведь гад, сказал в последний момент. Получается, трахнуть некого, значит к семи она свободна, как птица.

Мара вернулась к звонку:

– Так, ну смотри, вечер свободный в принципе. Конечно, могу Жанке набрать. А где хочешь посидеть? Предлагаю на Старо-Конюшенном, или на Сенной, там коктейли вкусные и салатики вроде норм.

– Нет-нет Марин, давайте ко мне. Ну правда, это важно чтоб у меня. Потом объясню, почему. Часов в семь, реально? Ну или в восемь. С меня фуршет и вино. Звони Жанне, я – Наде. Целую.

– Аллю, Катюх, только вино дешевое не покупай, я тебя умоляю. Или давай я привезу?

– Да не парься, Марин, куплю нормальное, позвони Жанне.

Мара уже работала в юридическом отделе крупной компании, когда неожиданно столкнулась с рыжей Жанной на Чкаловской в фитнесе. Оказалось, Жанна работает неподалеку. Дав-

³ Швертбот – яхта с небольшой осадкой, снабженная швертом (выдвигающимся килем).

ненько не виделись. Жанна выглядела потрясающе; подтянутая, тонкая, как спагетти, вышагивала на дорожке с гантельками в загорелых руках.

Присели выпить сока. Разговорились. Для Мары некоторые моменты в жизни подруги оказались весьма неожиданными. Помимо помешанности на офтальмологии – что в принципе оправдывалось профессией – Жанна «болела» горами, моталась тренироваться куда-то в сторону Сортавалы, на скалы Ястребиного озера. Похвалилась, как отпраздновала 25-летие на вершине Эльбруса.

История впечатлила Марину – впрочем, как и сама рассказчица: легкий загар, округлые скулы, горящие глаза и тело что надо, стройное и подтянутое. И Мара хотела сделать ей комплимент, но Жанна все изливала подробности жизни:

– На Эверест охота, да опыта маловато, пока готовлюсь на Килиманджаро. Набираюсь навыков на пятитысячниках. Хотя Килиманджаро – практически шеститысячник и входит в проект «Семь вершин и Семь вулканов мира». Хемингуэй еще рассказ написал «Снега Килиманджаро», ты не читала?

Мара мотнула головой:

– Да нет, у него только «Старик и море» листала.

– Да что ты, классная книжка. Ну как-то так, несколько месяцев подготовки и в июне подъем, если с финансами сложится. А потом, Марин, на Эверест.

Жанна мечтательно вскинула глаза к потолку:

– Восьмитысячник.

Слово «восьмитысячник», вызвало у Мары острый приступ изжоги.

«Вот блин, стерва, когда успела-то».

Нет, она, конечно, порадовалась за подругу, криво улыбнулась и заказала низкорослому официанту в белоснежной футболке воды – запить этот чертов Эверест.

«Так и ей есть что сказать, держись рыжая».

Мара сделала безразлично-строгое лицо:

– Круто Жан, правда. И неожиданно. Горы, красотыша наверху, облака и дубак, что кости скручивает. Знаю, на лыжах все Альпы искатала, у нас с мужем там домик.

Мара взяла сок, выдерживая паузу и наблюдая реакцию.

«Ничего. Вот стерва, у рыжей даже мускул не дрогнул, а ведь упоминание о домике вызвало у окружающих как минимум округленные глаза. Ну, хорошо».

Сок Мара пить не стала. Отставила стакан в сторону.

– Но, знаешь, горы не мое по-любому, душа к воде прикипела. Я бороздила Атлантику, обогнула Карибы, раза три пересекла Средиземное море, еще Черное, – Мара загибала для наглядности пальцы, – Балтийское, Тирренское, Эгейское, Красное, Мраморное. До хера, короче.

– Пересекла в смысле? Сама плаваешь? Пловчиха ты, не пойму...

Мару порадовала детская наивность рыжей:

– Хожу под парусом, мать, на гоночных яхтах. С ветром по жизни, как говорится.

Она выдержала паузу, поймав изумленный взгляд карих глаз Жанны.

«Ага. Работает метод воздействия».

– С момента замужества, понесло меня по морям. Не могу остановиться. Даже в Питере купила швертбот – прикинь, гоняю в выходные по заливу, рыбаков пугаю.

Жанна отставила свой стакан, и Мара с удовольствием отметила всплеск румянца, проступивший сквозь ровный загар.

– Так ведь Дмитрий твой, он разве плавает? ну, в смысле по морям ходит? Или как там правильно?

– Дмитрий Вячеславович плескается исключительно в теплых водах бассейна, – рассмеялась Мара, представив располневшего не в меру мужа в кокпите, несущегося по ветру швертбота.

«Страшно подумать, властитель городских коммуникаций у румпеля, ха, ха».

Нет, Дмитрий Вячеславович (которого она называла ласково – «Пусик»), стоит у правительного руля, у нужного. Возглавляет департамент, имеет виллу за городом, домик в Альпах, водителя, консьержа, садовника, большие почки и, Мара была уверена, что и любовницу – и вполне вероятно, моложе ее. А возможно, и не одну.

Тут ей стало смешно: она вспомнила его одышку, объемный, как у бегемота, колышущийся живот, под которым неминуемо погибнешь, если вовремя не выберешься.

В мае Дмитрию Вячеславовичу стукнуло шестьдесят.

Она ни единого дня не пожалела о выборе. Замуж вышла целенаправленно, план сложился еще в школе. Тогда уже поняла: в этой жизни просто так взлететь не получится. Тяжко. Проще взобраться на спину взлетевшему – лучше неженатому, обвить ножками, закрепится покрепче.

«А уж мои ножки, – Мара взглянула на бедра соседки, – не хуже, чем у рыжей».

Длинные ноги Жанны обсуждали в школы все пацаны, девочки скрипели зубками от зависти, но только не Мара. Она обозначила цель и двинулась навстречу мечте; счастливой и безмятежной жизни супруги богатого бизнесмена. Ну, или чиновника.

В целом научилась многому; вычислять места тусовок людей от власти и бизнеса, доставать пригласительные, вслушиваться, о чем говорят. Делать вид, что понимает суть разговора. И соглашаться с выводами, естественно. Ну и не только с его. И не раз. А иногда давать и другое согласие – и не всегда кому стоило бы.

Ну неважно. Вспоминать не хотелось, а кое-что лучше вообще забыть, как дурной, страшный сон. Налицо результат. Муж сутками пропадает на совещаниях, планерках и в банях. Мара вписала в паспорт весомую в кругах городской элиты фамилию – «Касаткина», переехала в роскошный дом на Крестовском и купила гоночный швертбот.

Жанна звучно поставила стакан на столик. Мара вздрогнула.

– А что с работой? Марин, ты где сейчас? – вежливо поинтересовалась Жанна.

Маре вопрос понравился, и ответ был приготовлен достойный – даже с визиткой, где вытисненная золотыми буквами аббревиатура всемирно известной компании сбивала на скаку не одного чиновника и бизнесмена средней руки.

– А, это... – Жанна повертела бархатный квадрат с вензелями, бросила небрежно в сумку. – Юристом там крутишься?

Мара едва вслух не выругалась: что за выражение – «крутишься»?

– Крутятся куры на гриле, Жан, а я старший юрист с отдельным кабинетом, что выходит окнами на залив. Хотя знаешь, я не в обиде. Всегда нравилась мысль, не помню кем сказанная: «Только проклятые небом изнуряют себя физическим трудом, а избранные жизнью обязаны наслаждаться и кайфовать». Ну вот, мне до избранных еще полшага.

Жанна задумалась, отпила сока и выдала спич:

– Круто. У меня житуха, извини, по спирали; работа-дом, где тоже работа. И муж, что объелся груш и лежит полдня на диване и ждет с небес «волшебной идеи» для бизнеса. И требует от меня сексуальной работы, которую можно назвать кайфом, если она случается вовремя. Потом, к ночи, еще немного работы для продвижения по основному месту работы – и наконец сон. Достаточный, но недолгий, потому что проснешься, и колесо закрутилось по новой. Думаешь, я проклята? Не. Вот убери основную мою работу: глазные яблоки, катаракты, нейропатии оптического нерва, воспаления слизистой глаза, невриты-блефариты, отслоение сетчатки и прочее – и вот тогда я останусь совсем без кайфа.

Мара улыбнулась и тронула ее за руку:

– Не парься, сестра, просто ты трудоголик, болезнь так называется, андестенд?

Жанна вытерла лоб, промокнула салфеткой подмышки, разбавила сок минералкой. Глотнула. Мара растянула губы в улыбке, видно было, как «трудоголик» и «андестенд» выбесили рыжую Жанну. Мара знала единственный за собой недостаток: выглядеть по-королевски, а разговаривать грубо, чтобы создать диссонанс и сбить собеседника с толку.

Жанна ответила мягко:

– Я поняла тебя и уверена: да, я трудоголик. Хотя знаешь, Марин, у меня еще горы есть. Я когда вгрызаюсь в обледеленую кручу, а на спине рюкзак в семьдесят литров, то есть под сорок кило веса, и ветер лицо сечет, а вернуться возможности нет; и дышишь, как лошадь загнанная; и на веревке за тобой ползет с десятков таких же, измученных снегом: и сквозь заледеневшие стекла очков видишь лишь очертания горных вершин, вот тут, я чувствую кайф. Кто-то спросит, зачем физически себя напрягать? К чему кандидату наук этот риск? Таким я скажу: вы не знаете настоящего кайфа. Ты думаешь, я погоду проклиная на склоне? Нет, Марин, я никогда не ворчу, потому что знаю: вон за тем выступом, за тем гребнем – вершина. И когда всхожу на нее, чувствую невозможную эйфорию, до дрожи, до головокружения, от одного только вида. Вот ты стоишь наступив на облако, один на один с солнцем, словно властитель мира, – она выдохнула. – Это круче, чем секс, Марин, я тебя уверяю. Это просто чума.

Мара чувствовала, как сполз румянец со щек, хорошо сказано, талантливо. И она готова была уже выстроить мостик дружбы, но неожиданно Жанна сказала:

– Сатаева на днях видела, Игоря. Помнишь его? Привет тебе передавал.

Маре захотелось курить. А может, на свежий воздух и там покурить. От упоминания этой фамилии она неизменно потела. Это был сабантуй перед выпускным в школе. Собрались тогда на баскетбольной площадке, рядом теннисные столы под раскидистой липой, на которых удобно сидеть. Ребята принесли пива, шаманского. Дело к вечеру, все веселые. Игорь Сатаев, задиристый, приבלатненный малый, один из немногих пил теплую водку. Запьянел и начал подкатывать к Маре. Она не обращала внимания. И он шепнул ей в ухо нечто гадкое, оскорбительное. Мара презрительно сплюнула и послала его далеко и надолго. А он обозвал ее шмарой. Оскорбил еще раз, теперь уже вслух, при всей честной публике. Мозги у него – три семечки, он забрался на стол, скорчил умную рожу и начал разглагольствовать: мол куда ему, молодому, ведь тетя Мара с престарелыми важными шишками на Невском вальсирует.

И пацаны ржали, как кони. Катерина нахмурилась, помнится, будто грозу почувствовала.

И тогда Мара взяла со стола открывалку – ребята притащили пиво открыть – и всадила металлический крюк полумесяцем Сатаеву в прямую мышцу бедра. И пока он орал и со стола падал, пообещала в следующий раз не промахнуться и попасть в глаз.

Скорую вызвали тут же, только ждать ее Игорь остался с друзьями своими, а девочки почапали всей толпой на салют, на набережную. И ведь Сатаев ни словом ментам не обмолвился, бормотал, будто схватился с забулдыгами у палатки.

Маре тот эпизод напоминал об умении сдерживаться, чтобы не совершать грубых ошибок – особенно при свидетелях, о грузинской крови матери, что бурлила в жилах, из-за которой обуздать темперамент было непростым делом.

Жанна выглядела воинственно: видимо ждала продолжения, но Мару уже отпустило, она посчитала, что партия осталась за ней.

– Да шел бы этот Сатаев, сестра. Неудачник и аферист. Не стоит и вспоминать.

Они посмеялись и договорились на ресторан с мужьями.

Мара набрала Жанну. Глядя на прыгающие циферки на экране, вспомнила супруга рыжей. Макс весьма недурен собой – не мачо, не зверобой, как она любила, но боец с подкаченным задом и проворными руками. Очень цепкими. Словно клешни у краба. Страстный – опасный. Она улыбнулась. Синяки после их встреч она замазывала кремом, а разорванные трусы – по сотке евро, к слову, за штуку – выбрасывала в гостиничное мусорное ведро. Странно,

что Жанна назвала его «муж объелся груш». По мнению Мары, если тот чего и объелся, то, однозначно, виагры.

Интересно, рыжая знает о тайных желаниях грушевого Максима?

– Маринка, привет!

Голос яркий, радостный, свежий, как дыхание весны, с такими людьми хочется разговаривать, за это окружающие и обожали Жанну. Мара улыбнулась, забралась в купе «Мерседес» цвета глубокой ночи с тонированными стеклами.

– Привет сестра.

Ей хотелось назвать Жанну «Ириской»: так называли в младших классах эту девочку с золотисто-рыжими волосами – но, блин, «Ириска» в двадцать семь звучит слишком двусмысленно, так что просто сестра. Хотя.

Мара улыбнулась и представила подругу голой: это должно быть восхитительно, она бы ее попробовала.

– Как дела, какие планы на вечер? Есть предложение, от которого нельзя отказаться. Ты свободна? Нет, без мужей. Вот и отлично, тогда и тем более, он к маме, мы в гости к Катюхе. Она что-то особенно обещает. Не, Жан, не укладку. Да из нее подробности клещами не вытащишь, на месте узнаем. Ты готова? Подкатывай к семи, адрес-то помнишь? Отлично, тогда до встречи.

Глава 5. Первое погружение Мары

Жанна дождалась Мару возле знакомого с детства подъезда Катерины. Смотрела на обшарпанные от времени стены дома и не находила знакомой взгляду, изрезанной надписями лавочки, где бабки чесали языками без перерыва на обед – теперь здесь вырос узорный заборчик вдоль палисадника. Когда-то она прибежала сюда едва ли не каждый день, к самой близкой, самой любимой своей подруге. Оставалась обедать, ужинать, пару раз ночевала.

«Катя-Стриж», это же она ее так назвала. Катерина неприметная с виду, хвостик-косичка, худоба в платице, была юркой, быстрой, как птица та – стриж. Шустрее всех в классе бегала. Когда начинала рисовать на доске, за ее рукой не успевали следить, и отвечала скороговоркой, отчего учителя морщились и вызывали тараторку к доске реже, чем остальных. Жанна была уверена, что подруга пошла в мать талантом, тоже станет художником.

Но чего-то не хватало Катерине, какого-то толчка или трамплина, чтобы разбежаться и воспарить. Жанна где-то читала, что стрижи не способны ходить, у них короткие ножки и широкий размах крыла, им трудно взлететь с земли, но нет равных в полете. До Жанны дошли слухи об успехах стилиста-парикмахера Екатерины Ерошенковой, про запись на стрижку за два месяца. Но тот ли это полет?

Они давно не созванивались, не писали друг другу комменты в соцсетях, не лайкали фотки. Странно. Будто чужие.

Мара прибыла с опозданием, Жанна успела продрогнуть: осень не лучшее время в Питере время. Они обнялись, забежали в темноту подъезда – лампа на первом этаже не горела, те же обшарпанные ступени, те же запахи, только стены покрашены и сменили двери на входе. Засмеялись, вспомнив, что и сами жили когда-то в похожих домах. Катерина выглядела свежо – более того, элегантно.

Жанна ожидала увидеть вчерашнюю студентку со вздернутым носом и жидкой косой, стянутой резинкой. Но нет, выражение «сапожник без сапог», Катерине не подходило. Темные густые кудри, волос к волосу, говорили, что хозяйка весьма щепетильно относится к внешности.

Квартирку после ремонта они еще не видели, походили по комнатам, Маре понравился цвет стен и кухня, Жанне – подбор мебели. В зале на диване среди подушек она разглядела кукол. Столько лет прошло, Жанна реально думала, что эти «Барби» давно на помойке. Куклы чинно расселись в ряд, у всех прически – каждый волосок уложен. Жанна вспомнила, как в шутку переживала Надежда, что Катерина освоит магию вуду и сможет управлять их судьбами. Вот уж смешно.

Пока Жанна с Марой вздохмачивали куклам волосы, Катерина собрала стол из магазинных салатов, нарезки и прочей снеди, открыла сухое красное, и Жанна заметила, как Мара поморщилась.

История про Меликки не заняла много времени у Катерины. Она изложила ее лаконично, без лишних деталей, объясняя лишь самую суть. И снова морщилась и вздыхала Мара, не верящая в ведуний, колдуний и прочих шаманов.

А вот Жанна, зная бабулю лично, восприняла историю почти что всерьез.

– Если предположить, что так и было с Кириллом, то не сильно порядочным товарищем он оказался. Хорошо, бабуля глаза раскрыла, а то бы маялась ты потом, Катюш. В любой версии событий мужчина, что поднял руку на женщину – свинья и сволочь, не достойная прощения. Знаешь, как говорят, один раз ударил, а ты стерпела – считай, пропало.

На что вмешалась Мара, знающая ситуацию изнутри:

– Светку, сестру мою, он и пальцем не трогал. Хотя хрен ее знает, свечу не держала. Да и Светка – лошадка темная. Зато у Кирюхи бизнес приличный, насколько я слышала. И кстати,

Катюх, я не ожидала, что вы до свадьбы дело доведете. Думала, легкий секс, не более того. Ну, выгнала, и черт с ним. Другого найдешь, кандидатов, что ли, мало.

Жанне показалось, тоскует о мужике Катерина, глаза без искры.

– Не грусти, Катюша. Все, что ни делается, к лучшему. Мне мать как-то случай рассказывала. Тетя Галя этажом выше жила, молодая баба, с мужем и сыном, мальчику года четыре. Супруг у Гали, Костя-боксер, так во дворе звали, титулованный в свое время спортсмен. Судя по разговорам, красавцем был, душа компании, на гитаре чудесно играл и петь умел. Вы девочки, пальцы загибайте, сколько отчетливых плюсов сложилось поначалу в одном человеке: именитый боксер, высок, широк в плечах в дверь не входит, да еще гитарист. Девочек за ним волочило – вагон и маленькая тележка, ну, я так считаю, Марин – ну, скажи, если я неправа.

Мара смотрела в окно и кивала:

– Два состава, а не вагон. Интересно, у него был большой?

– Тьфу ты, – улыбнулась Жанна, – кто о чем, а вшивый о бане. Короче, алкоголь и не таких скашивал. Костя ушел из спорта и работал грузчиком в мебельном. А гитарист и боксер в нем все же остались. Нажрется, до полночи песни орет, мать, помню, ментов вызовет, а им двери не открывают. Мать говорит, Галина визжала каждый вечер, как тот поросенок, которого тупым ножиком режут. Костя-боксер удары на ней отрабатывал, как на груше. А утром Галине неудобно было перед соседями, сама с синяками, а ходит, извиняется: простите, говорит, эту сволочь, больше не повторится, в милицию не звоните, на меня внимания не обращайтесь, жить без него не могу, любовь и все дела.

– Да ну, Жан, – перебила ее, зевая Мара, – ты нас в другую оперу тащишь, давайте к делу, чего тянуть. С Кирюхой все понятно, не хрен мусолить.

В окно потянуло влажным воздухом с улицы и Мара захлопнула створку.

– Хорошо, – Катерина прошла к холодильнику, вынула торт из прохладного зева. – У меня к вам одно предложение, и оно напрямую касается личных целей.

Жанна наблюдала, как худая фигурка некогда лучшей подруги снует по узенькой кухне, ставит чайник, включает кофемашину, подливает вино, нарезает кусочками торт. И все-таки Катерина – стриж, птичка с короткими лапами, которой нужен трамплин для взлета, но она его не нашла.

– Что от нас требуется, Катюш?

– Давайте проговорим, Что вы ждете от жизни через несколько лет, скажем, года через два-три, – Катерина присела на край стула, нервно перебирала пальчиками по столу. – Мне интересно, совпадут ли ваши желания, с тем, что покажет вам судьба через зеркало.

Жанна не задумалась ни на секунду:

– У меня тайн нет, моя цель – Эверест. Представляете, крыша мира – восемь тысяч восемьсот над землей, самолеты летают – руку протяни, и облака. А вот уже потом, все остальное: дети, сопли, ползунки. Ну и параллельно карьера, докторскую закрою через год-другой.

Она сказала про Эверест, докторскую, и спина покрылась мурашками: да, она впереди на два шага, она молодец.

– У меня материалов, как грязи, по бионической сетчатке и атрофии глазного нерва. А ты, Катюш?

– Я?

Жанна видела, как поперхнулась Катерина от неожиданного вопроса: видимо не предполагала, что и самой придется ответить.

– Даже не знаю. Сначала думала, главное – бизнес, устала на дядю пахать, идея с салоном несколько лет не отпускала, сжилась с ней, ну Мара вон в курсе. Потом, когда Кирилл появился, задумалась о детях: ведь если на девчонок из класса посмотреть, только мы четверо без детей. Но вы-то хотя бы замужем.

– Да-да, – кивнула Мара. – Все видели, в каких коров превратились наши одноклассницы после родов? Предлагаю экскурсию по 10 «Б» в Инсте⁴. Морды некоторых в экран не вмещаются. Мы с вами – козочки хоть куда, скажи, Жан?

Жанна утвердительно и гордо кивнула, и подумала, что козочкам можно и в клуб, если что – сто лет уже не плясали.

– Ну согласна, я одна не замужем, булыжник в мой огород, – Катерина глотнула вина. – Бабуля, оказывается, на меня планы строила, вот сейчас ее ремесло осваиваю, и мистика, не поверите, втягивает, словно воронка. И чувствую, как личное уже меньше тревожит, но бизнес не отпускает. Потому, не знаю чего хочу. Любви наверно, большой и чистой, как в кино.

– Ну и не беда, наворожишь себе красавца еще, – махнула Мара рукой. – Набодяжишь отвара, я подскажу кому влить. Скоро в мэрии праздник, подыщем приличного, пухленького евро-мешочка, делов-то.

Катерина рассмеялась, а Жанне стало вдруг скучно: старые шутки, былые приколы, ничего нового. Захотелось нырнуть в любимые чаты, где завертелась тема о разновидностях глаукомы и обсуждения будоражили кровь. Мара достав сигареты, повернулась к хозяйке:

– Курну?

– Окошко приоткрой, а то задохнемся.

Мара дернула форточку, достала тонкую сигарету, и чиркнув зажигалкой, затянулась:

– А я, девочки, обязательно пойду в кругосветку. С мужем или без, но точно отправлюсь. Атлантика. Тихий, Фиджи, Бора-Бора, Гавайи, Маврикий, Галапагосы. Все бухточки пройду, на каждом пляже белоснежном поваляюсь. Облезу тридцать три раза и заново загорю, полгода кайфовой жизни. Волны, шторма, ветер – все мое. Наберу команду молодых, энергичных, неженатых с хорошим стояком и вперед! За счастьем.

Пахло табаком, а Жанне показалось, будто свежим бризом из окна потянуло, и соленая капля о щеку ударилась. Она улыбнулась на неожиданное красноречие Мары про команду молодых, энергичных, даже более чем понятно.

– Клево, – подхватила Катерина.

Жанна подумала, что планы у Мары, как всегда фантастичные, с живописными видами и жгучими желаниями. И ведь исполнит, зараза.

А Катерина вдруг вспомнила, что ни разу не видела мужа Жанны.

– Жанн, Мара говорила, ты замужем, показала бы супруга. Ну фотка-то есть?

Мара с сигаретой у подоконника заметно оживилась:

– Да ты что, Катюх, у нее красавец! Давай фотку сестра, срази наповал Катюху, пусть оценит качество выбора.

Жанна замешкалась, полезла в телефон. Про свадьбы друг друга разговоры не заводили, будто табу наложено. Жанна знала, что Катерина отплясывала у Мары, и предполагала, что лишь из-за того, что чиновник из мэрии пригласил на свадьбу известную художницу, мать Катерины. И Маре, вроде как некуда было деваться. Да и прическу наверняка Катерина делала. А Жанна расписалась в Киеве, под присмотром властной свекрови. С невестой и список гостей не согласовывали, Жанна просто вписала своих, кто смог – тот приехал. А с подругами школьными она в тот момент не общалась.

Вот чего Катерине не сидится, Жанна покраснела, хотя знала, что смущение незаметно, веснушки и загар – отличное прикрытие, но все равно неудобно, когда тебя обсуждают. Тем более Мара, язык без костей.

– Сейчас фотку найду, подожди.

– Вроде Максимом его зовут?

---

⁴ Instagram – принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ.

– Ага, мы уж три года как вместе, – открыв галереи, Жанна деловито листала папки: катаракта, отслоение, глазной нерв, операция Кутилина, лекция Самойловой, астигматизм, глаукома, вывих хрусталика.

Черт, Макса не было. Она знала, точно должен иметься, они там вдвоем на Дворцовой площади, ну летом же было, в июле, еще праздник, клоуны. Максим купил ей мороженое, и она испачкала юбку.

Гипоплазия зрительных нервов глаза, зрачки, опять глаукома, хрусталики, ресницы. Блин.

Катерина поднялась со стула.

– Ты ищи, Жан, не торопись, – собрала со стола грязные тарелки, уложила в посудомойку, – мы пока с Марины начнем.

Они ушли и прикрыли за собою дверь. Жанна отрешенно смотрела на синий экран смартфона, в папках не нашлось ни единой фотографии Макса.

* * *

Марина прошла в комнату, само спокойствие. Считала, что все эти гадания, двери в другой мир и прочее – абсолютная ерунда. Ничего не получится у Катюхи, напридумывала; ведунья-колдунья, зеркала и прочая дребедень. Лучше бы салону времени больше уделяла, открыться не может какой месяц: то дизайнер – мудака, то рабочие безрукие.

Мара присела у зеркала в мягкое кресло и посмотрела на собственное отражение. Красотка, как и должно быть. От свечи, что зажгла Катерина, пахло мятой. И зеркало как зеркало – старенькое, местами затертое, края вон пожелтевшие, раму подкрасить бы. Такие нравятся мужу: коллекционер, блин, любитель, забил в загородном доме две комнаты бараклом. Она всегда поражалась, сколько люди просят за всякое старье, место которому, по ее мнению – на мусорной свалке. Мара присмотрелась к отражению, черт, трещинка на губе, провела по ней языком, надо будет заняться.

Сбоку встала Катерина, зажгла траву в ковшике, ту же затушила и запах поплыл, будто баню топили.

– Давай уже, мастер мистических дел, показывай мое будущее, – Мара усмехнулась и подмигнула загорелой красавице с длинными ресницами: «Мы и так его знаем, не правда ли, любовь моя».

Кругосветка и на финише фотография на обложке «Эсквайра», где она у штурвала на фоне развернутых парусов. На ней красное платье в обтяг и ветер полощет шарфик. Хорошо. И восторженная статья про бесстрашную женщину, достойную своего мужчины. На развороте Пусик, простите – Дмитрий Вячеславович, придерживает ее за талию. Все чин чинном, по-другому и быть не может. И тогда господин Касаткин, всплывает к ней особой нежностью, и впишет наконец-то ее имя в свое странное завещание.

Мара поморгала, запахло как-то странно, горим – не горим, образ в зеркале затуманился, закачался, будто волну нагнали. Контуры тела в зеркале распались на части, словно свет в комнате приглушили, Катерина что-то шептала на ухо.

– Але, Катюх, не слышу ни хрена...

– Впустить в круг, увидеть след на три шага во тьме и при солнце. Да будет так! Sekä.

Спустя десять минут Мара очнулась, будто всплыла из темных глубин, закинула вверх подбородок и хватанула ртом воздух. Глаза ее округлились. Выдернув натренированное тело из кресла, Мара визжала вздохом, выплескивая в гнев собранный за все годы фольклор.

– Б...ь, сука, фу, фу, какая гадость, Катерина, что это? Что это за херня, Кать, меня сейчас вырвет, какая мерзость...

Бросившись к двери, она едва не опрокинула журнальный столик, на котором Катерина сложила травки, мази, свечи и прочие магические приبلуды. Мат летел из обколотых, надутых губ Мары с необычайной легкостью, не засоряя пространство.

– Б...ь, не могу поверить. Скот, сука, не может быть. И почему на даче, в нашем доме, сука, места не нашлось больше.

Жанна отписывала комменты в чате и услышав вопли, выскочила в коридор:

– Марин, Катюш, что там у вас? Что за крики?

Едва не сбив Жанну, Мара ворвалась на кухню, глаза ее пылали от гнева, руки словно исполняли пляску святого Витта.

Схватив пачку, вытащила сигарету, зачиркала судорожно зажигалкой:

– Вот ведь с-сука.

– Марин, что случилось? – недоумевала Жанна.

Катерина спешила следом, в руках прикрытый ковшик, где дымилась скрутка для окуривания пространства. Жанна растерянно посмотрела на Катерину. Та кивнула.

– Все хорошо, Жанн, работаем.

Жанна решительно отложила телефон.

– Марин, ну что увидела? Расскажешь?

Мара не обратила внимания на вопрос, курила в окно, где нудный питерский дождь охаживал темные кроны деревьев. Зеркало показало ей, что все, к чему она шла так долго, в одно мгновение разрушится, распадется на миллион осколков, исчезнет. И она уже отчетливо видела, как далеко в Австрии снежной лавиной накрывает их с Пусей аккуратный двухэтажный домик. С грубо вырезанными наличниками, с застекленной верандой, где приятно выпить вина в солнечный день, глядя на расстилающуюся долину.

Перед ней растворялись в тумане великосветские вечеринки для VIP-персон, где легко можно чокнуться шампанским с эстрадной звездой и запросто спросить про дела.

Пережевывая на ходу канapé, проконсультироваться с ведущим хирургом города по болям в пояснице, вальсировать с кинозвездой и невзначай взять пригласительный на премьеру его нового фильма.

Ее белый с глянцевыми бортами швертбот – и с десятков других яликов, шлюпов, прогулочных, прибрежных и крейсерских яхт, на которые она могла быть приглашенной – в мгновение ока все эти суда затянуло в бездонную морскую воронку.

Мара не часто плакала, но ведь так обидно, и главное вот, за что? Сука жизнь.

– Ну тогда я тоже не расскажу, Марин, так и знай...

– Да подожди, – выдохнула дым Мара и вытерла слезы.

Странные люди, не видят ее состояние? Она стряхнула сигарету и пепел свалился мимо глиняной пепельницы.

Катерина укоризненно надула губы. Да и ладно, в текущем моменте Мару интересовало другое:

– Это на сколько лет вперед я увидела, а, Катюх?

– Год-два, плюс-минус, точно до месяца не могу сказать.

– А почему я увидела именно этот эпизод? Неужели ничего интереснее в моей жизни не случится? Не, ну реально, кроме этой голой задницы в телевизоре?

– Меликки говорила, человек видит основное, поворотное событие жизни, после которого начнется новый этап.

– Вот ведь охренеть, какой там этап начнется! Вот когда он успел Кать. Нормальный ведь мужик. И что делать теперь?

Жанна, ничего не понимающая, пытается уловить суть.

– Девочки, ну что вы наколдовали, а? Загадками говорите. Ну правда...

Мара улыбнулась ей зло и скупно. Отчеканила сквозь зубы.

– Дмитрий Вячеславович мой отчудил, на старости лет потянуло его на малолетних мальчиков. И ведь другого места не нашел, прям на нашей даче устроил вертеп. Сука. И кто-то заснял его, и выложил в интернет. Я думаю, специально подстроено, посадить Пусю, места золотого лишить.

Жанна прикрыла рот ладонью:

– Да ладно? С мальчиками? Муж твой педофилом заделался? Ничего себе. И что, исправить никак нельзя? Это же не завтра, надеюсь, случится?

– Исправить, ага, и член отрезать, – буркнула Мара.

Но мозг ее ухватился за подсказку, как за фал – веревку, что размоталась на радость сброшенному за борт яхтсмену и плещется за кормой.

– Катюха, и вправду. Ты в ответе за тех, кого приручила. В смысле привадила к своей магии. Вот за меня, в том числе. Можно хоть что-то сделать? Давай заколдуй раствор, чтобы он выпил, и его только на меня тянуло – по вторникам и четвергам, например.

Катерина рассмеялась:

– Смешная ты, Марин. Я-то тут причем? Ты попросила посмотреть будущее, я попросила зеркало – показать. Я лишь проводник, посредник, а не исполнитель желаний. Думаю, могу помочь в мелких вопросах: курить там бросить, здоровье поправить, не более того.

Мара обиженно засопела:

– Катюх, кто мне позвонил – «есть тема на миллион»? Кто сказал про эксперимент? Я не просила, а мне теперь всю эту фуйню расхлебывать.

Жанна нахмурилась. Катерина покрылась красными пятнами, почувствовала себя неловко.

– Прости, Марин. Мне Меликки так сказала: «Есть возможность – помоги, но сперва время дай человеку, разум собрать, душу очистить, просеять мысли, самому шаг сделать». Я не знаю, почему тебе зеркало именно этот момент показало, а Дмитрию Вячеславовичу хорошо бы лечение начать, у грамотного психолога. Ведь чтобы изменить будущее, работать надо с текущей жизнью. Пойми. Ему надо работать над собой, вот тут ты и можешь помочь, это ведь и твое будущее, насколько я понимаю.

Мара горько вздохнула:

– Ладно уже, проехали. Факт неоспоримый, на позицию главы департамента очередь стоит из завистников, и вот одного сволочного блогера наняли снять кино, как развлекается господин Касаткин. Кино этот блогер в «ютуб» выложил, и, конечно, в полиции завели дело, такой факт на тормозах не спустят. Это, извините, статья 134-я.

Мара раскручивала в голове цепочку видений и, будто наяву, видела отвисшую задницу обожаемого мужа. Щуплые мальчишки поодаль прикрывали писюны ладошками и сконфуженно улыбались.

Тьфу, блин. У Мары скрутило живот, к горлу подступила тошнота. Она прикурила третью сигарету подряд, одну от другой. Прижгла палец. Вот бл# муженек, все планы поломал. Жизнь – практически на помойку.

– Пацанов двое, это пункт четыре, групповуха. Лет на пятнадцать тянет тот сейшен на даче, как пить дать.

Ей вдруг стало смешно. Она запела, копируя лирическое сопрано и пошла по кухне, разводя руки с сигареткой в стороны, как лебедь распускает по воде крылья.

Гуд бай, мой Пусик, гуд бай, мой миленький,
Ты от Маринки уезжаешь навсегда,
И на тропинке, и на тропиночке
Не повстречаемся мы больше никогда.

От телодвижений и перевозбуждения у нее застучало в затылке, она остановилась и накрыла голову руками:

– Блин, девочки, дайте таблетку от головы? А лучше две, башка раскалывается, сил никаких нет.

Катерина открыла кухонный ящик, где держала аптечку, протянула лекарство, налила стакан воды. Жанна непонимающе развела руками.

– Марин, чего ты паришься? Муж твой птица высокого полета, со всеми шишками в городе на короткой ноге, договорится с кем надо, отмажется, господи, делов-то. Ну, потеряет должность, ну денег часть, так не смертельно же. Они там, – она многозначительно подняла палец, – через одного такие, мне кажется.

Мару слова резанули как по живому, даже губа дернулась. Сказать бы ей, благоразумная стерва: наверху, может, и все такие, а вот Пуся ее таким не был. Наверно... Но скоро станет... Эх.

– Денег, должность, – Мара заглотнула лекарство, – а общественное мнение не учитываешь? Как раздуют сенсацию в сетях, на улицу не покажешься. Властям уголовник на хрен не нужен, вычеркнут и забудут, будто никогда и не было. И меня знакомые удалят из всех списков и отвернутся.

Мара растерла холодные, словно лед, ладони, прижала к губам, подула.

«Может, и вправду гоню лошадей, а надо притормозить, ничего же не случилось еще. Пока не произошло...»

– Катюх, дай травки подышать и в зеркало заглянуть лет на пять-шесть? А вообще сколько раз вот так в будущее нырять можно? Десять, двадцать?

– За раз два безопасно, максимум три в год.

– Что так? Регламент бабуля прописала?

– Зазеркалье затянет. Не тебя, душу. Шагнешь мысленно и не вернешься. Я, правда, не знаю, как это происходит, но инструкции, как этого избежать, от бабули получила.

– В смысле затянет душу, а тело? С телом-то что станет?

– Ну, с этим проблема. Останется в кресле. Труп. Проблема уже для меня. Вызов врачей – сердечный приступ, морг, крематорий. Ну или скинуть в зазеркалье, в болото.

– Фу. Наговоришь тоже, болото.

Марине хотелось съязвить про ведьм, гадалок и прочую нечисть, но осеклась. Голую, дергающуюся в экстазе задницу Пусика, она видела, точно в кино. Вот и не верь после всего этого в мистику. Обманчива жизнь.

– Ну ладно, что посоветуешь?

Катерина молчала, и Мара понимала ее состояние: что тут скажешь, судьба приготовила испытание, осталось лишь выбрать один из вариантов спасения. Если Пусик потонет, то и ее потащит на дно. Тогда нужен спасательный круг, и желательно не в этих широтах. О, она обо- жает это слово – выбор, умеет им пользоваться с умом. Когда на свадьбе удивленная Катерина спросила, почему Мара выбрала не мужественного капитана с окладистой бородкой, а объем- ный мешок с деньгами, Мара не обиделась и ответила достаточно четко:

– Свадьба – это не про любовь, я лишь сделала правильный выбор. Спланированная семья – тема надежная, ну а время подтянет друг к другу, как швартовы к причалу.

Подтянуло.

Между тем Жанна глотнула вина: хотелось снять легкий озноб грядущего кайфа, созна- ние не покидала уверенность, что ее будущее выстрелит ярко, как праздничный фейерверк. Страх она не чувствовала.

– Послушайте, девочки, момент, – она подняла руку, смертельно надоела их болтовня. – Можно, скажу? Давайте так. Пока ты, Марин, взвешиваешь все за и против, я загляну в свою

жизнь, на огонек зайду, так сказать. Ок? На минутку. А то меня на форуме ждут, домой ехать пора.

И радостная помчалась в комнату занимать место в уютном кресле. Катерина кивнула и пошла за ней, сморщившись и яростно начесывая обрубок мизинца.

Глава 6. Разбившаяся мечта

Из комнаты после завершения сеанса Жанна вышла на цыпочках. Медленно, точно боялась расплескать увиденное. Тонкие побелевшие губы плотно сомкнуты, пустой невидящий взгляд уткнулся в пол. Радость, бившая через край десять минут назад, будто пролилась на сторону. Не говоря ни слова, не замечая вопросительного взгляда Марины, Жанна прошла в коридор, механически натянула высокие – до бедра – сапоги, аккуратно сняла с вешалки кожанку и не прощаясь вышла.

– Ты куда, сестра? – крикнула вслед опомнившаяся Мара, сорвавшись с места в попытке догнать. – Подожди, господи, что у тебя, что стряслось? Да постой же.

Катерина с тяжелым сердцем опустила в кресло. Только что на ее глазах оборвалась жизнь веселой, жизнерадостной Жанны.

– Блин, Катюх, куда рыжая побежала? Что произошло? – Мара с телефоном в руке внесла в пространство энергию драйва, ей хотелось знать все и сейчас.

Каре ее, густого шоколадного цвета, растрепалось, расстегнулась блузка, зрачки исторгали холод.

– Что ты ей наколдовала?

Катерина ждала, что сейчас выдаст ведьма, и поделом.

«Имею ли я право, разбивать людям жизни, не помогая пока ничем, или это и есть помощь: подать виденье, как сигнал к изменению себя, а значит, и будущего. Эх, бабуля, знала бы я, как тяжело будет на сердце».

– Вернется, просто ей надо побыть одной.

Катерина знала: подруга вернется – после шага вперед человеку всегда нужно немного времени, как говорила, Меликки.

– Вернется? Когда? Что она там увидела такого, что унеслась быстрее ветра? – не унималась Мара.

– Не то, что ожидала, – сказала Катерина. – Ну вот совсем не то, чего хотелось.

Пока Мара задумчиво ковырялась в собственных тревогах и размышлениях, Катерина приоткрыла форточку, брызнула по четырем углам комнаты распылителя из зеленой бутылки. Живой аромат лаванды, что оставила на первые опыты бабуля, растекся в воздухе, очищая пространство, раскуривать более действенную полынь не было времени. Задышалось и впрямь несравнимо легче. Мара выплыла из тумана своих размышлений:

– Совсем все плохо? – побелели костяшки сжатых в кулаки пальцев, заострились скулы. – Ты посмотри, Катюх, чума у меня в будущем, у рыжей. Может, нас сглазили, а? Да говори уже, что там, мое-то будущее она знает.

– Не могу, Марин, про себя ты сама рассказала, про других – как тайна исповеди, только хозяйка способна открыть.

«Как я красиво выразилась, – удивилась Катерина, – прям психолог».

Ну вот как передать на словах описание роскошного пляжа на пышущем зеленью острове посреди океана. Солнце, раскаленный белый песок, потертые деревянные шезлонги под вереницей тенистых пальм. Беззаботные загорелые тела туристов в воде. Крики радости, смех и визги детей. Она видела Максима – вот и фотки не надо, действительно симпатяга.

Щурясь, он впился взглядом в Жанну, которая блаженно плескалась в волнах в стороне от счастливой толпы туристов. Махнул жене, она ему, перевел взгляд на электронную книгу. Почему они поехали именно туда, ведь она обожает горы?

Все случилось стремительно. Зашуршала волна, и рыжая голова, захваченная бурлящим течением, понеслась прочь от берега. Крик отчаяния звенел в воздухе. Максим растерянно

бегал по мелководью. Спасателей нет: райское место, но не для всех, черт его побери. И Макс, видимо, не умеющий плавать.

Жанну не спасли. Вот и переживи такое.

Мара тронула за плечо закишную Катерину.

– Катюх, ну, встряхнись уже, что зависла, – она растерла сухие ладони. – Нет так нет, сама потом допытаюсь, не вопрос. Давай, со мной делом займись.

Мара одернула бежевый костюм в белую клетку из твида. Катерина с начала встречи обратила на него внимание. «Шанель» и куплен, вероятно, за сумасшедшие деньги, но вещь элегантная, Маре очень идет.

– Давай, Катюх, еще раз бросим взгляд сквозь столетия. Шутка, – Мара натянуто улыбнулась, и тут же скривилась, будто ее замутило. – Ну, на пару лет от предыдущей истории.

– Может, не стоит? – сказала Катерина, взглянув на часы, – время почти одиннадцать.

– Мне это надо, Катюх, пойми, где такой шанс найдешь, бесплатно увидеть все косяки судьбы. Чтобы потом, как сама говорила, исправлять ошибки. Так про них желательно знать заранее.

– Давай завтра или в воскресенье?

– Стоп, чего откладывать, когда все на мази. Короче, лет на десять вперед заглянем, а? И вся жизнь как на ладони.

– Не, это много, я только учусь, на три шага, не более. Первый раз же, считай, сегодня. И вообще не факт, что получится. Устала.

– Ну, ОК. Давай на четыре. А позже – не сегодня, понятное дело – может, и на десятку прыгнем. И это, Катюх, если что не получится, предупреди.

– Думаю, ты и сама поймешь, – Катерина уступила ей кресло.

Мара долго усаживалась, ерзала, подбирала юбку, поправляла подушку, сняла пиджак, решив остаться в тонкой блузке. Катерина сложила травки со столика на дно коврика, зажгла свечи, сдернула с зеркала белое покрывало и коснулась волос подруги. И услышала свой внутренний голос стилиста.

«Мара – брюнетка, стихия – воздух (а любит, вот странно – воду), направление – восток. Это тип ярких женщин. Независимые в высказываниях и решениях, с Марой вывод совпадал на все сто. Любит быть в центре внимания и блистать умом, – Катерина улыбнулась. – Да прям в точку, и магии не нужно, чтобы определить характер не хуже психолога, только про невоздержанность в мужиках волосы не говорят, и про бешеный нрав не скажут».

– Поправить бы тебе прическу, Марин, растрепалась. Смотри, волос посекеся.

Катерина приподняла прядь, но подруга мотнула головой по-лошадиному.

– Да потом, зажигай дурман-траву на четыре года, как и договаривались. А кстати, – Мара развернулась, – травы столько держишь, может, и курнем чего интересного?

Катерина вопрос не поняла:

– Ты же только курила, а... блин, Марин, ну ты чего, это из другой оперы, как сама говоришь, это к Надежде. Сейчас смотри вперед, кино там начнется.

И тут Катерина кое о чем вспомнила:

– Подожди минутку.

– Передумала, или все-таки есть чуток травки?

– Не, не. Какая травка, о чем ты, – засуетилась Катерина, капая в стакан жидкости из круглых флаконов: четыре капли масла чертополоха, так, вроде три капли выжимки из крапивы.

Лайфхак от бабули. Сверилась с тетрадкой:

– Да, верно – три. Из лопуха, что прикольно, бабуля масло выгнала, а я всегда его репейником называла. Меликки говорит, лопух цепкость добавляет шагу в будущее, а в целом создается эффект. Знаешь, как бы я его назвала – эффект присутственного погружения, круто зву-

чит, да? Прямо, как у Лема в «Солярисе», помнишь? Там, правда, про океан, но неважно, тоже виденья были. Я подобное без капель прочувствовала, крутая вещица, тебе должно понравиться.

– Катюх, вот это твое присутственное видение, не опасно для мозгов, например?

– Не бойсь, рекомендации ведуньи северных окраин. Было бы опасно, Меликки бы не разрешила и не показала, что и как делать. А тут видишь.

Катерина потрясла толстой тетрадью:

– Все ходы наперед записаны. Пей, – Катерина протянула стаканчик. – Ну или не пей.

Мара опорожнила стакан залпом и поморщилась, прижав ладонь к губам:

– Бляха-муха. Какая гадость эта ваша заливная рыба.

Катерина чиркнула спичкой, подпалила траву.

* * *

Первое, что разглядела Мара, открыв глаза, были белые стены и свет. Солнце рвалось сквозь жалюзи, рассыпалось полосками по голубой ткани узкого диванчика. В широкое окно влетал птичий гомон, шум листвы на ветру, запах хвои, морского бриза.

Голова чугунная, не повернуть, она не понимала причины и металась взглядом вдоль стен. Монитор справа мерцал зеленой волнистой линией. Напротив завис телевизор с беззвучным диктором в яркой рубашке. Низом шли титры, но прочитать она не смогла, хотя никогда не жаловалась на зрение. Она попыталась привстать, но не почувствовала локтей, пальцев, да и вообще рук. Боже, она и ног не чувствовала, даже ступнями не могла пошевелить. Тело аккуратно укрыто одеялом цвета морозного неба. Движение колыхнуло линию на мониторе, вспыхнула красная надпись на английском, которую она перевела – «Внимание».

Что за нахрен? Какого черта здесь творится.

Дверь тягуче открылась, в помещение вкатился бодрый лысый старичок с усами, в круглых очках на массивном носу в застегнутом белом халате. Он напомнил ей кота Базилио. За ним высокая тетка в белом платке толкала перед собой тележку, накрытую салфеткой. Сестра Алиса? Или кто она там по фильму, лиса... ну точно.

Старичок приветливо улыбнулся, потирая руки.

– She regained consciousness, it's fine.

С английским у Марины все было в порядке, четыре года в Лондоне, многолетние регаты в международных командах дали великолепную практику. Она пришла в сознание? Вот так поворот.

– Что со мной, доктор?

Показалось, произнесла нарочито громко, даже требовательно, возможно, грубо. На деле прошептала, и доктору – а она не сомневалась, что это врач – пришлось наклониться.

– Повторите еще раз, пожалуйста. Говорите. Вы меня слышите, понимаете?

Она видела мочку уха с редким седым волосом, лысый затылок, отливающий на солнце. От него пахло хорошим парфюмом – прикольно, что не микстурами.

– Да, слышу, понимаю. Где я, что со мной?

Толстяк пододвинул стул, выпавший из ее поля зрения, присел.

– Вы в госпитале Мэри-Чарльз, острова Сент-Китс, Карибы. На днях разыгрался нештучный шторм, наверно самый мощный за последний год, ваша яхта, по-видимому, потерпела крушение. Из команды спаслись, к сожалению, только вы. Насколько я понял, больше никто не выжил. Откуда вы? У нас нет никаких данных.

– Россия. Санкт-Петербург.

Она прошептала единственное, что всплыло на поверхность сознания.

– О, русская. Интересно. Русских пациентов, у меня не было.

Он мягко улыбнулся, собрав на морщинки лбу, глаза заблестели.

– Вы помните, что случилось? Сколько человек было на судне?

Тетушка в белом халате, вслушиваясь в разговор, неторопливо распаковала шприц, ампулу с белым раствором, и замерла, ожидая команды.

Мара сморщилась, готовая разрыдаться. Память зашторила черным покрывалом проходы и лазейки к воспоминаниям.

– Ничего не помню. Почему я не чувствую рук, не могу повернуть шею, а доктор?

– М-да, – толстяк пошевелил губами, словно раздумывая над диагнозом. – У вас осложненный перелом позвоночника. Мы называем такой вид взрывным, с повреждением спинного мозга и спинномозговых нервов. Отсюда и неподвижность.

Сознание отказалось принять слова, заискрилось, затуманилось, и выключилось, словно тумблером щелкнули.

* * *

– Хрен да польнь, плюнь да покинь. Мариночка, очнись, очнись, не кричи. Все хорошо. Господи, дыши, спокойнее, все хорошо.

Катерина не на шутку перепугалась. Она тоже видела обездвиженное тело в залитой солнцем палате и шарообразного доктора, но диалогов на английском не поняла – может, несколько слов, и точно последние, что шепотом вырвалось из тишины палаты:

– Сука, за что?

Мара распахнула глаза, увидела Катерину с ваткой нашатыря, почувствовала противный больничный запах, в зеркале отразилось собственное лицо, покрасневшее и оттого некрасивое, сдвинутый в сторону столик.

– Уф, Катерина. А где доктор? Алиса эта со шприцом? Ух ты, охренеть поворот, жива я. Мама дорогая. Слава богу. Фу. Ничего себе, наколдовала ты экстрасенсорное погружение.

Страх, боль – все в этот момент пролилось слезами, она зарыдала, смывая потоком косметики, размазывая ладонями тушь и оставляя на щеках разводы. Катерина помчалась на кухню, подумав на ходу, что всегда надо иметь под рукой стакан прохладной воды.

Около полуночи Катерина вызвала такси и отправила домой захмелевшую Мару, выдвинувшую на радостях – что жива и здорова – бутылку красного. Потом проветрила кухню от смрада сигаретного дыма, убрала со стола остатки ужина и запустила посудомойку. Голова разболелась от мыслей, переживаний за мрачное будущее подруг – особенно больно было за Жанну, которая восприняла все максимально близко к сердцу.

Да и у нее самой вырисовывалось не лучше: не появишься бабуля, что бы она по итогу поймала? кулак в переносицу? Ей хотелось еще раз себя протестировать, но бабуля четко сказала: «Пока не поменяешься, смысла нет», – так что придется подождать.

Катерина прилегла в начале первого, да не спалось. Достала планшет со скачанным текстом «Персонажи карельских мифов»: на пути к мастерству хотелось больше знать о мире, с которым предстоит пересекаться. Но читать стало лень. Вот не так она представляла себе сабантуй с девчонками. Теперь, когда у нее появилась возможность побыть координатором судеб, хотелось возродить традицию: встречаться раз в месяц, и консультировать и направлять. Это выползло не таясь, вскинулось с лозунгом:

«Координатор – звучит круче, чем проводник!».

Закружило голову, что прошла ритуал, что она теперь посвященная.

«А и правда, жаль, нельзя о нем рассказать. Блеснула бы она перед девочками, как та певица на конкурсе „Голос“, к которой развернулись разом четыре наставника. Прочувствовала бы восторг от смеси удивленных взоров, раскрытых ртов, замешательства. Эх».

Катерина обожала «Голос», представляла, как выступает на той сцене, ловила эйфорию и покрывалась мурашками с ног до головы. Эго, не дремлет, и Катерина привычно заглушила ненужные мысли, оставив их на потом.

И все же грустно, что нельзя поделиться. То, что она испытала, оказалось и страшным, и интересным, и изматывающим действием одновременно.

В тот вечер, получив согласие внучки, Меликки с головой ушла в подготовку к церемонии. Терпеливо разбирала сухие, свернутые в жгуты травы, толстые, как канаты и тонкие, точно хворостинки, свечи, деревянные ступки, медные терки, крупы в полотняных мешочках, масла в темных пузырьках, от которых исходил неясный аромат. И все это доставалось из холщового рюкзачка, который казался бездонным, ведь столько предметов невозможно уместить в обычном. Катерина не задавала вопросов, наблюдала со стороны с неприкрытым удивлением. Меликки перетирала в узкой ступке травы, смешивала в кучки разноцветные соли, которые почему-то пахли болотом, зажигала и нюхала свечи, после чего расставляла на полках убрав оттуда все книги. Попросила выключить телевизор, что захлеб вещал очередные новости, и сдвинуть в сторону журнальный столик.

Квартиру заполонил запах кориандра, тмина, чеснока, ромашки, душицы, мха, болотной тины, отчего у Катерины разболелась голова. Она пыталась уговорить бабулю сместить действие на день-другой, Кирилл вот-вот вернется, и ей надо отменить намеченные на завтра встречи. Меликки насыпала на темном ламинате круг из соли, услышав про жениха, разогнулась, посмотрела с улыбкой, узкие глаза сверкнули зеленью и Катерине стало не по себе.

– Не переживай, котенок, сегодня не придет. В загуле мужик.

Закончив отсыпать круг, Меликки, обхватив с боков зеркало, легко как пушинку перенесла его в зал. Поставила в круг. На черных настенных часах стрелка упала на одиннадцать, когда Меликки спроводила внучку в ванную.

– Давай, котенок, отскреби себя от мирского, телу чистота нужна.

Дальше Катерина помнила, как во сне. Как встала в круг, как колыхались свечи, источая одурманивающий аромат, как бабуля шептала что-то на непонятном языке, как образовалась в зеркале пелена и Катерина, повинувшись голосу Меликки, шагнула в туман за дубовой рамой.

Глава 7. Кирилл

Кирилл спустился в полутемный зал караоке-клуба, поздоровался с девочками хостес, кивнул высокому официанту с выпирающим кадыком и прошел к дальнему столику возле фальшь-окна с красной подсветкой. Народу почти не было. Официант с кадыком отложил бледное полотенце, подхватил меню и кивнул сонному бармену у стойки:

– Семидесятник пришел, плесни ему Гиннесса, как обычно.

Мордатый моргнул, всматриваясь в полутемный зал.

– Рано ему еще Гиннесса, иди спроси, может кофе, а то будешь потом платить.

– Ты рожу его видел? Чувака перекосило с похмелья, глаза пустые. Спорим на сотку, у него руки дрожат и он пива возьмет?

Бармен фыркнул, демонстративно подставил чашку под кофемашину и прислонил палец к кнопке.

– Беги, ставлю две сотки, что возьмет американо без молока.

Кирилл любил это место, считался завсегдатаем, здесь он распевался и отдыхал душой. К вокалу тянуло с детства. Пел куплеты на утренниках в саду. В армии отшагивал запеваляй, вел роту в горку со строевой, стараясь не сбить дыхание. Обед, завтрак, ужин, туда и обратно, раз-два, левой. Да и где только не пел: на днях рождения, тусовках, походах: под гитару и без; пьяный, трезвый, усталый – голос не подводил и вроде как нравился окружающим.

Баритон сравнивали с Синатрой и Розенбаумом, наперебой рекомендовали развивать певческие навыки. Спустя много лет, когда появились первые приличные деньги, он брал частные уроки у известной оперной дивы, но вот дальше как-то не задалось. Однако поставленный голос остался, и управлять им было в кайф – а в этом клубе особенно, хозяева держали весьма приличную аппаратуру Evolution.

Они захаживали сюда с Катериной. Петь она не умела, но к музыке дышала неровно, влюблена была в шоу «Голос». И слушать его ей нравилось, это читалось в ее глазах. Нет, конечно, он был в курсе песенных тенденций и новинок, но искренне считал репертуар далеких семидесятых более выразительным с точки зрения текста и более мелодичным, если говорить о музыке. Он выходил с микрофоном в руках на невысокий подиум и аккуратно выводил своим баритоном:

– Не умирай любовь, не умирай любовь.

Не умира-а-а-й любовь!

Зал подпевал, нетрезвые девицы, подтанцовывая, подбирались к нему поближе, Катерина посылала ему воздушные поцелуи, и он видел в ее глазах ревность, которая ему нравилась.

Сейчас бы он спел, жаль не время.

Человека, с которым он договорился встретиться, все еще не было. Кирилл размышлял, что ему заказать: пива или американо – и не пришел к решению, разглядывал черные диски, развешанные по стенам. Они (диски) напоминали ему коллекцию отца: «Голубые гитары», «Веселые ребята», «Пламя» и «Песняры». Когда отец был не на службе, то ставил на кухне поочередно диск за диском, курил, шевелил губами, подпевая, и тянул пиво. Весной отец открывал окна в сад, яблони в белых цветах несли одуряющий аромат просыпающейся жизни, и мать, если не лежала в больнице, присоединялась к отцу. Такие моменты Кирилл любил больше всего. Сквозь раскрытое окно летела музыка, он, покачиваясь в гамаке, часами слушал хиты того времени; «Не умирай любовь», «Будет над землею снег кружиться белый», «Люди встречаются», «Идет солдат по городу». Каждое слово отпечаталось в памяти.

Да. Он был уверен, Катерина любит его в том числе и за голос. Вот только сорвалась и выгнала за месяц до росписи.

Кирилл заказал кружку пива, и кадыкастый официант заторопился в сторону бара, разливая улыбка. Бармен за стойкой, нашептывая неприличное, с неохотой полез в карман.

Кирилл забил Катерине в WhatsApp несколько сообщений, полных любовных штампов. То, что ответов не поступало, его не тревожило: будет что представить в доказательство его обиженных чувств – вот слова любви и раскаянья, все зафиксировано. Но настроения не прибавилось. Он чувствовал себя вымотанным, точно прошел на марше с десятков-другой километров в полной экипировке с вещмешком и автоматом. Отречение от тела созревшей к свадьбе Катерины напрягало. Нет, наверное, правильнее сказать – бесило.

Энергия была на исходе, и он это чувствовал: голова чугунная, поташнивало и горела кожа в том месте, где он ссадил кулак.

Официант с угодливой улыбкой принес кружку с пенящимся напитком. Кирилл с удовольствием отхлебнул. Голове полегчало. Он смочил в пиве салфетку и приложил к ободранной костяшке: такие пустяки обычно за ночь заживали, как на собаке, а сейчас более суток не затягивается. Непорядок. Это он не сдержался. Нервы, нервы. И ведь далеко не мальчик и знает к чему приводит невоздержанность в алкоголе.

«Эх, Катя, Катенька, Катюша, изводишь меня, дорогуша, выкинула как щенка, не общаешься. Обидно, больно. И все равно лучше тебя в этом городе нет, – он промокнул костяшку сухой салфеткой. – Батарейка ты моя, энерджайзер. Пока только ты умеешь отдавать энергию, сладкую, как сироп. Отдать и восстановиться к утру. После тебя хочется жить, петь и любить. А после этих прошмандовок, – он с отвращением вернулся мыслями в неудачную ночь, – можно лишь преждевременно постареть. Ну, или подхватить триппер».

Блондинка, с которой он познакомился в пятницу в клубе и провел ночь в бестолковом сексе, не принесла вообще никакой энергии. Ощущение, что девица была под кайфом – а от такого рода наркоманок, как показала практика, пользы нет никакой. Пустышки они, в них отсутствует прана. Как он промахнулся с девкой? Вот и оскорбился, вспылал, вспомнилось разом все; чемодан у двери, чувство безнадеги будто потерял что-то родное. Ну и саданул от ярости в стену, растревожил постояльцев в соседнем номере.

С Катей все было иначе. Откуда она восполняла прану, он понятия не имел, но такой феномен встретил впервые и посчитал, что поймал птицу счастья за красочный хвост. И разрыв лишил его главного – неиссякаемого источника энергии. Он не мог позволить себе упустить такой дар. Тем более, что и жила невеста одна. Кирилл облизнул пену с губ и достал сигарету, заступников на горизонте не наблюдалось, родители – пенсия не за горами, даже не в счет. Вся была в его власти, да выскочила. Он зло крутанул колесико зажигалки и прикурил. С бара поднялся официант: курить в заведении не разрешалось. Кирилл махнул и побрел в сторону туалета, разгоняя дым свободной рукой.

«Верну Катерину, – возможно, он был чересчур мягок, надо дожать чуток, аккуратно продавить возникшее сопротивление. – Но без повреждений. Пока».

Он хорошо помнил, что случилось с Олесей, смуглой молдаванкой, привезенной в Москву из Одессы. Кирилл отдыхал там со случайными знакомыми. И на завтраке подошла она, ладная, пышная, сладкая, словно булочка с изюмом – Олеся. Эта девушка, как ему тогда показалось, обладала умением восполнять энергию – настоящий родник. Кирилл тогда чувствовал себя, почти как знаменитый Понсе де Леон, который вдруг нашел источник вечной молодости. В сущности, Кирилл влюбился – так он называл свое состояния эйфории после ритмичного восполнения праны. В Питере на первое время он снял для сладкой «Олеси» приличную квартиру: не любил посторонних в своем жилище, да и присмотреться хотелось.

Проблемы начались спустя полгода. К тому времени Олеся уже перебралась к нему, заняла половину шкафа-купе в спальне и выставила свою фотку на тумбочку. Как-то раз он не

удержался и ударил ее. Был неправ, был пьян, да сволочью был, что говорить. Случайно, будто затмение нашло, почудилась в зеркале высокая тварь с длинными до пола руками, с лысой головой и омерзительным рядом клыков. Померещилось, тьфу, тьфу, тьфу.

Утром винил себя за проступок. Словил глюк, как он признался Олесе. Она не выходила из дому пару дней, пока не сошли синяки, он повинился, просил прощения. Даже пообещал не пить, и она простила. В общем, стали жить душа в душу. Он читал ей стихи, водил на выставки, в рестораны и позволял шопиться по субботам. Наверно и она любила его, хотелось ему так думать. Во всяком случае, трезвого обожала. Он и сам себе нравился: обаятельный, молодой, энергичный.

Кирилл затыкнулся, выбросил сигарету в унитаз: надо завязывать с куревом, вчера заметил пятна налета на верхних зубах. Может, конечно, и от кофе, но все же... С этой мыслью вернулся за стол. Годзи все еще не было.

А в один из дней Олесе скрутило живот. Он подумал – ну, мало ли что съела, бывает. Вот Но-шпа, еще какие-то препараты. Когда во второй раз в припадке боли молдавская Булочка упала с дивана и не смогла подняться, он вызвал врача. Бригада «скорой» осмотрела и ничего не нашла. Рекомендовали не пить пива, исключить сладкое. Он накопил ворох таблеток и подумал, что обойдется. Но ситуация раздражала. Ему не хватало энергии, а в Булочке Олесе, словно нарушились процессы регенерации праны: она ослабела. Секс ее раздражал, целоваться она не желала, а именно через поцелуи, Кирилл и забирал основной жизненный сок. Слабел в результате и он. К тому времени он привык расплескивать энергию непомерно: на работе – для денег, на фитнесе – для поддержки тела в тонусе; в караоке – страсти надо удовлетворять, иначе какой смысл жить. В общем, тратил больше, чем получал. Олесе становилось все хуже, и дело дошло до госпитализации.

Она умерла в больнице, и ему пришлось звонить ее родителям, чтобы забрали тело.

Кирилл не мог понять, как молодая, полная сил и энергии двадцатичетырехлетняя девушка сгорела на его глазах буквально за пару недель.

– Рак? – спросил он пучеглазого доктора в ослепительно белом халате.

Они вышли для разговора на улицу. Тот чесал в недоумении переносицу, перебирал влажными губами сигаретку, точно корова, жующая сено, и выпускал едкий дым.

– Острый панкреатит с переходом в стадию панкреонекроза. Короче. Сгорела поджелудочная железа, чтобы вы понимали. Нет ее там, пусто.

И Кирилл все равно не въезжал. Слезы текли, и он не пытался их утирать. Каким образом? Олесе не курила, не употребляла наркотики, алкоголь пила в меру, ну любила сладкий чай, сдобу та, – так не майонез же в чистом виде! Практически – ангел. Какой панкреатит, откуда?

– Энергетики. Напитки в смысле. Vign, Red Bull, который окрыляет, – врач грустно усмехнулся, – на тот свет. Пила, небось, лошадиными дозами?

Черт. Кирилл только тогда и вспомнил кучу помятых жестяных баночек, которые выбрасывал через день в черных пакетах. Как вообще представить, что безалкогольный тоник способен убить? Он и подумать не мог, что Олесенька, его солнышко, восполняет энергию жизни этой гадостью.

«Хотя, – Кирилл задумчиво глотнул пива, – да если бы и знал, все одно бы ничего не сделал».

Сообщением звякнул телефон. На секунду он отстранился, бегло взглянул на экран:

«Автоплатеж „Фонд помощи пострадавшим от наводнения“ проведен успешно. Следующий платеж – 10 сентября. Ваш Сбербанк».

«Ну и чудно», – он удалил сообщение.

Вот пришло бы СМС от Катюшки, он бы кинул еще десятку в пожертвования. Совершенно точно бы кинул. Но сообщений от Катерины не поступило. И она восполнялась не энер-

гетиками, он лично проверил шкафчики, холодильник и другие места, и ничего криминального не нашел. Источник расшифровать так и не смог. Хотел поставить скрытую камеру, размером со спичку, да передумал. Сейчас Кирилл пожалел, зря не поставил. Вспомнил головокружительные ее поцелуи, такие волнительно-затяжные. Облизнул губы, в паху заволновалось, когда вспомнил сладость ее языка, появление «сиропа-энергии» входящего в глотку. Кирилл не знал, как физически происходит наполнение, но ощущал это именно так.

Энергия от Катерины выходила нежно-густая, словно теплое коровье молоко, которое он не единожды пробовал в детстве. Ради такого глотка счастья можно пойти на все. Хотелось больше, но за раз он много не брал, боялся чтобы не получилось, как с Олесей.

Он даже присмирел в последние месяцы, убрал из рациона пиво по рекомендации новой подруги, курил меньше пачки в день, а до того было за две. Прочел пять страниц Бекмана – книжка лежала на ее ночном столике – и, подумать страшно, стирал собственные носки. Дело шло к свадьбе. Так хорошо ему давно не было. И вот внезапный разрыв, что раздражал, бесил до судорог, до рези в глазах. С какого перепуга? У него и костюм заказан, он даже «придумал» себе пару друзей. Не Годзи же звать на свадьбу?

«А вообще, – Кирилл почесал переносицу, – была бы здесь Чансуд, он женился бы на ней не раздумывая».

Но не сложилось, и он будет помнить о филиппинке всю жизнь. Как и она о нем, навещая во снах. Первый раз она пришла как раз в тот день, когда он ударил Олесю.

Шептала ласково, колыхаясь тенью: «Алкоголь смачивает дорогу, прикрытую покровом ночи, вернуться в полосу света уже невозможно. Когда ты станешь Фи Ка, я буду ждать тебя у ворот».

Обидно, что не успела рассказать, у каких именно – наверно, у ворот Рая.

Глава 8. Филиппинка Чансуд

Источающая нежный запах сандала, стройная филиппинка Чансуд с пляжа Антоси, что в провинции Краби, научила его питаться астральной энергией – праной. Научила мастерству оставаться всегда молодым. В Таиланде Кирилл очутился отнюдь не случайно. Налаженная жизнь в один миг дала трещину: развалился бизнес, оставив долги и недовольных партнеров, пришлось экстренно эвакуироваться, затаиться в чужих землях, в продуваемом ветрами бунгало на берегу Андаманского моря.

Они познакомились поздним вечером. Он возвращался из поселка, где до неприличия накачался пивом, петлял по каменистой тропе. Впереди колыхались тени, кто-то торопился, грубо хрустел песком. Кирилл таращился на паутину звезд в темном небе, вдыхал ночной бриз и вдруг услышал шорохи, сдавленный крик. Пьяный гражданин – скорее всего, англичанин, коих до черта ошивалось в то время на острове в ожидании праздника полумесяца и черной луны – приставал к женщине.

Кирилл поспешил на помощь, в голове вскипал праведный гнев, ноги слегка заплетались. Долговязый потомок пиратов с расцарапанным в кровь лицом в ответ на резкий окрик Кирилла бросился в драку. И оказался проворней. Кирилл пропустил мощный удар и укатился в кусты. Правда, и англичанин ретировался, бормоча ругательства. Чансуд помогла Кириллу прийти в себя, довела до своей хижины, вытерла кровь, напоила чаем. Они подружились. Его бунгало находилось на расстоянии двух песен «Битлов», он каждый день навещался к ней в гости.

Ее сложно было назвать красивой, Кирилл предпочитал европейский типаж женщин, но симпатичной – да. Широкое, немного плоское лицо, пухлые щеки, раскосые глаза и черные, до пояса волосы. На вид ей можно было дать двадцать, а может, и тридцать, истинный возраст таек определить сложно. И удивился, услышал, что родом она с Филиппин. Прозвал ее «Филиппок»: больше за малый рост, метр с кепкой.

Массаж Чансуд делала фантастический – Кириллу казалось, что тело рождается заново, настолько глубоко и тщательно прорабатывала мышцы, проминала область шеи, бедра и ягодицы. Дыхание после сеанса становилось глубже, а воздух как будто чище. Но действительное обновление он почувствовал несколько сеансов спустя: закипел энергией, похудел, ночами спал как младенец, проваливаясь в царство Морфея мгновенно – а ведь раньше мог полночи глазеть на звездное небо.

В один из сеансов благодатного массажа она зашла глубже, чем требовалось, а он давно пребывал в готовности. То был День затмения, слияние Луны и Марса. В благоухающем ароматными свечами бунгало знак Марса отвечал за его эмоции, знак Луны – за ее действия. Состояние эйфории перебрало его сознание в просторы космоса. Она солировала, он подчинялся своей госпоже и летел, чувственно следуя указаниям. Никогда в жизни он не был так близко к звездам.

Она перебралась в его домик на второй линии, в своем Чансуд работала с клиентами.

В свободное от ее работы время они садились на байк и мчались по вьющейся среди гор дороге на знаменитый пляж Рейли. Заглядывали с головокружительной высоты в лагуну Принцессы. Замирая от восторга, целовались, словно подростки. Загорали, запивая жгучее солнце ледяной колой, смотрели футбол в кафешке на берегу.

Один момент его удручал, Чансуд не переносила воды. Вообще не купалась. За пару метров до океана словно что-то ее тормозило, лицо морщилось, как переспелое яблоко, она безвольно валилась на песок и застывала, словно не было сил.

Ему это казалось забавным. Он обожал заплывать далеко, пока пляж не превращался в тонкую, едва видимую полоску. Вода его не пугала, как и акулы, которых он не встретил ни

разу. Он наслаждался прозрачностью глубин и открывающимися просторами. Жалел, что ее нет рядом.

Чансуд бормотала что-то про мать, семью, проблемы и сложный путь к морю. Или по морю. Короче, он понял только, что кто-то из родственников, возможно, утонул, а она уцелела, и теперь вода ее табу. Да и ладно, хватало других развлечений.

Никто не удивлялся их паре: смуглая тайка (за филиппинку ее не принимали) и борода-тый белый, иметь вторую семью в Тае считается нормой для европейцев.

На английском Чансуд ворковала куда лучше Кирилла. Знала французский. На жгучей смеси двух языков, с жестикуляцией, рассказывала, как работала массажисткой у главы Провинции Донхой во французской колонии. Он смеялся и всерьез думал, что девочка пересидела на солнце, просил надевать платок.

Камбоджа, французская колония, когда это было – господи, сто лет назад.

Кирилл мечтал добраться до Ангкор Вата, но просрочил тайскую визу, замотался с любовным приключением. Думал, что элементарно успеет, и, вглядываясь вечерами в пламенеющий закат, ломал голову, не остаться ли навсегда на райском острове.

К тому времени Чансуд познакомила его с рыбаком Сомбуном, хозяином ржавого катера, что ходил за крабами к острову Курицы и дальше к черным камням, торчащим посреди волн.

Угловатый таец с изрезанным ветром лицом и смешливым взглядом, ни слова не понимавший на английском, брал Кирилла помощником и делился уловом. Роскошное было время, удивительно легкое.

Чансуд раскрыла ему секрет изъятия праны. Из того, что она рассказала, Кирилл и половины не понял, но услышанное повергло в шок. Он отпускал шуточки, пока филиппинка не показала метод в действии, прошептал, что в качестве примера возьмет от него гораздо больше, чем нужно. Но тут же уверила, что беспокоиться не о чем, она рядом.

В общем, он согласился на эксперимент, хотя до конца не верил в странные сказки. После «показательного» сеанса Кирилл сутки лежал в гамаке. Сил не хватало дойти до моря, приходилось умываться едва ли не лежа, свесив голову над принесенным ведром. Такой истощенности не чувствовал и после многокилометрового марш-броска в армии, а ведь служил не в стройбате, а в спецназе, где пробежаться по изматывающей жаре в условиях горных перепадов было обычным делом.

Чансуд отпаивала его отваром, напоминавшим густой травяной чай с привкусом сухих водорослей. Первые уроки подпитки – так он это назвал – Кирилл отрабатывал на Чансуд. Технику уловил быстро, и ему понравилось. Она удивлялась, как ладно у него получается.

– Зарождаться новый Фи Ка, – улыбалась, светясь от счастья раскосыми глазками, – ты мне нужен, мой милый, я научить тебе многому, дай время.

Получая прану, он чувствовал, как наливается гибкостью тело, расправляется грудь и тают жиры на боках, кожа теряет дряблость и становится плотной, волосы мягче и не остаются на зубьях расчески, не скрипят колени при быстрой ходьбе, поясница не тянет, не ноет от длительных посиделок. Глаз будто стал зорче. На рыбалке, на глубине он высматривал крабов, легко отличая их от камней.

Он молодец, это факт.

Смотрел на разгладившееся лицо в маленькое кривое зеркало в туалете ближайшей кафешки – и не узнавал себя. Хотелось орать от радости: «Такого не может быть!» Правда, непонятно, что делать с паспортом – фото на первой странице не совпадало с нынешним обликом.

Об этом он не задумывался.

Позже узнал, что и массаж позволяет забирать прану. Понемногу, будто проглатываешь с раскинувшегося на кушетке тела по ложке рисового отвара на мясном бульоне.

Для клиента процесс незаметен, но полученной энергии достаточно для поддержания собственной молодости.

«Нельзя высосать сразу много, – приговаривала Чансуд, уминая тонкими ручками его спину, – пресыщение вредно, пропадать азарт охоты. И дающий завянет, как цветок, лишенный воды». Она называла это «охотой».

Завороженный ее смешным сюсюкающим выговором и мягким движением рук – каждую сцену она пыталась изобразить, он лежал и слушал с откровенным изумлением. Так вот для чего она зазывает в хижину из потемневшего бамбука жаждущих расслабления туристов. Вот зачем зажигает благовония лотоса и сбрызгивает углы настоем из свежей розы. Так паучиха заманивает глупых мух на обед.

Неисчерпаемые кладези энергии открывались перед ней ежедневно – доверчивые туристы, неиссякаемый родник.

– Да, – смеялась Чансуд, – это правда.

Ни одной морщинки на ее круглом лице, заодно торчащие груди, гладкий шелк кожи.

– Сколько же тебе лет, моя милая вампирша, – не удержался однажды Кирилл.

Она показала документ, закатанный в пластик – выцветший, буро-желтого цвета листок, исписанный закорючками-иероглифами.

– Мой дата рождения, – втолковывала Чансуд.

Но он не разобрался в тайских каракулях. Покачал головой, отдавая пластик, вышел на яркое солнце. В голубом тонул горизонт, в зарослях манго свистела птица. Он присел и вскинул ладонью горстку песка.

– Нарисуй.

Внутренне хотел увидеть на песке число максимум тридцать, не больше. Молодость ее тела опьяняла, он будто постоянно находился под кайфом и не желал отпускать блаженство.

Она вывела веточкой цифру. Кирилл рухнул задницей на песок, пропустив мощный математический хук. Мотнул головой, словно солнце напекло темечко.

Рассказы Чансуд про французскую колонию в Камбодже вдруг обрели реальность, воссоздались из дымки времени. Она обвила его шею руками, обволокла запахом сандала.

– Любить меня? Мы жить вместе. Долго. Очень долго. Пока мне не надоест. Я тебя учить, что знать сама. Это нестрашно, ведь ты еще не Фи Ка, но интересно.

Она едва доставала ему до плеча. Он легко поднимал на рассвете ее гибкое тело, относил к океану и опускал, не доходя до волны, во влажный песок. Утопал в поцелуях. Губы жадные, сильные. Нежный и требовательный язык, он помнил его движение. Глаза, искрящиеся на солнце, смех, летящий над пляжем.

В тот год ему исполнилось сорок пять. Две тысячи четвертый. Будто вчера.

Глава 9. Годзи

Годзи вкатился в зал колобком в пиджаке соломенного цвета и обтягивающим пузо черном джемпере, окинул заплывшим глазом полутемное помещение. Кирилл недолюбливал толстяка за сварливость и перегибы, которые приходилось потом подчищать, но лучшего исполнителя всякого рода «неформальщины» было сложно найти.

На самом деле потливый лысый толстяк с широким выпуклым лбом и мощной челюстью в криминальных кругах имел кличку «Жила».

В свое время Кирилл уговорил его заменить грубое «Жила» на «Годзи» хотя бы в их отношениях.

«Годзи, – лукаво уверял Кирилл толстяка, – это имя, берущее начало от корней сицилийской мафии, от первого его клана дона Сильвио Сопрано».

И Жила, переживший девяностые, закаленный в передрягах питерских разборок, к удивлению Кирилла, про нашумевший сериал не слышал, но охотно согласился с новой кликухой... Вроде как Годзи и звучит более весомо в нынешних-то реалиях. Кирилл тогда выдохнул с облегчением – не говорить же, что хозяин клички откровенно похож на обезьяну, и Годзи – сокращенное от Годзиллы.

Чего-чего, а стебаться Кирилл умел и любил. Но Годзи был парнем надежным, Кирилл назубок знал его личное дело.

«Жилин Николай Иванович, кличка „Жила“, он же „Годзи“, семьдесят седьмого года рождения. Образование незаконченное среднее. Отец убит в пьяной драке, матери нет. Срок по малолетке, ИТК-8 Самарской области – четыре года. Три штрафа за нарушение общественного порядка, четырежды проходил свидетелем по уголовным делам. Адрес, характер, привычки и прочее».

Основные сведения по Жилину передал из полицейских картотек старый знакомый Кирилла из органов. Что-то Кирилл накопил самостоятельно. Наверно, Годзи и сам позабыл половину. Но главное, к бизнесу Кирилла толстяк не имел отношения, в друзьях и знакомых не значился, в социальных сетях не замечен.

Кирилл пользовался его услугами нечасто, но столь долго, что сам удивлялся, как до сих пор не спалился.

– Ну, привет, Годзи. Смотрю, все хорошеешь, пузо на лоб лезет, все заботы мимо, – Кирилл любил позволить себе некоторую фамильярность.

Бросив рядом пиджак, Николай Иванович бухнулся на диванчик, распуская вокруг запах табака и дешевой туалетной воды. Узкие свинячьи глазки смотрели настороженно, лысый череп в потных разводах блестел. Годзи подхватил салфетку, отер затылок, лоб, толстую короткую шею, скривил рот, показав удивительно ровные и белые зубы.

– Недобрый ты с утра, братуха Кирилл. Пару месяцев не пересекались, мог бы и про житуху спросить для приличия, а ты про жировые излишки.

Он похлопал себя по брюху, оскалился в притворной улыбке.

– Зима на носу, братуха. Ты не в курсе, ваще? Запас это у меня продовольственный, в натуре. Ладно, что у тебя, в чем на этот раз не фортануло?

Кирилл улыбнулся. Наглый толстяк за маской наигранной доброжелательности прячет мстительность, но кто платит – тот и заказывает музыку, и никак иначе. А платил Кирилл весьма прилично, и Годзи знал это. Кирилл включил телефон, нашел фото таблички с названием улицы и номером дома Катерины.

– Есть одно дельце на горизонте. Запоминай адрес, снимешь квартиру во втором подъезде. Этаж желательно с шестого по девятый. Ну или какой попадется.

Кирилл уже представил, как непринужденно сбегает по лестнице и натывается на Катерину, выходящую из квартиры.

– О! Доброе утро, солнышко! Как я рад встрече! А я вот тут затусил неподалеку. Разреши подвезти.

Он даже увидел ее изогнутые в удивлении брови, вопросительный взгляд и лоб, вдруг покрывшийся испариной.

Толстяк качнул круглой башкой, цыкнул сквозь зубы:

– Интересный ты чел, братуха. А если никто не сдаст? И что? В соседнем подъезде тебе кайфовать впадлу?

– Сделай так, чтоб сдали именно в этом. Не мне методы подсказывать, – Кирилл глотнул пива и отер губы, не обращая внимания на собеседника.

В голове всплывали попеременно то Чансуд в ярком бикини, то Катерина в расстегнутом халате. Первая была ближе по духу, и зачем только он в тот день поплыл на рыбалку?

Волну-убийцу в океане они с капитаном практически не заметили, очень уж далеко ушли от берега. Качнуло их, перекатилась волна под кормой, стукнуло в борт, а берег разнесло к чертовой матери. Поломало пальмы, разворотило напрочь отель в шаге от их бунгало, не оставило камня на камне от кафешки, где поедали креветок и любовались закатом. От бунгало – тень на мокром песке.

Кирилл изодрал руки в кровь, разбирая завалы. Надорвал спину, переворачивая забитые песком лодки. Находил посиневших, перебитых и без признаков жизни женщин, покалеченные и раздавленные тела мужчин, порванных, словно тряпичные куклы, детей.

Чансуд среди них не было.

Трупы укладывали на песок плотными рядами, мешков не хватало, опознавать было некому.

На острове паника обвенчалась со страхом. С фонариком, ночью, он заглянул в лицо каждому мертвецу на том пляже. Никогда так остро он не чувствовал запах смерти.

Почти неделю он ходил по срочно возведенным госпиталям, пунктам эвакуации, лагерям временной помощи. Искал свою филиппинку среди сотен стонущих, рыдающих и обезумивших от горя людей. Местный аэропорт размыло. Вертолеты садились на расчищенные от обломков площадки, забирали тяжелораненых. Оставшихся в живых иностранных туристов грузовиками и автобусами отправляли в Бангкок.

Надежды найти Чансуд живой не оставалось, вокруг царил неразбериха, и воспользовавшись ситуацией, Кирилл вернулся в Москву. Опустошенный. Без нее, без любви и надежды.

Был уверен – жизнь кончена.

И вот нашел Катерину. И не может позволить потерять и ее.

– Але! Ты уснул, братуха Кирилл? Короче, аренда эта – игра вдолгую. Но я зацеп понял. Не кипишуйся, за день не решим, за пару недель – попробую.

Кирилл задумался, как-то уж очень долго:

– Даю подсказку. Если поиск затянется, используй план «В» – купи. Сообщи сумму, когда подыщешь вариант, желательно не выше рынка. Я пришлю юриста, поможет с оформлением.

– Что еще?

– Мелочь. У тебя остались контакты в СЭС? Надо отработать один вопрос. Вот адрес. Салон красоты на Московском.

– Закрывать к ебням?

Кирилл усмехнулся:

– Ну ты гонишь! Скорее, не дать открыться.

Глава 10. Надежда

С утра Надежда застряла в ванной. Шипела, изливаясь в раковину, вода, а она все подсушивала волосы феном. Потом собрала в хвост светлые локоны и укоризненно взглянула в зеркало. Показала изображению язык. Нос ее расстраивал, какая-то картофелина, а не нос. Тьфу. Она облизнула губы и отложила помаду. Мотя в отъезде, и получается, краситься не для кого.

Химию и прочие мази-пудры она не любила, мама с детства вдолбила: красота должна быть естественной. Въелось. А вот муж данную теорию не поддерживал.

Надя надула пухлые щеки и выдохнула, копируя парижский прононс:

– Je vous adore bébé ⁵.

Звучание фразы понравилось, мягко и «р-р-р» такая протяжная. Сегодня последний семинар по французскому, и надо поторопиться. Она закрыла воду и переместилась на крохотную кухню, где плескались еще запахи бекона и подгоревших тостов. В запасе пять минут на кружку зеленого чая.

«А вот Мотя, – подумалось ей, – попросил бы кофе».

И она бы ему в сотый раз повторила, что кофеин вреден для сосудов. Хотя капучино, чего уж греха таить, и она себе иногда позволяет.

Мотя бы усмехнулся и сказал, что она не права и не стоит уподобляется матери и устанавливать рамки. И они бы снова поругались и не разговаривали, и возможно, что пару дней.

Пропиликал будильник, Надежда ойкнула, достала телефон и отключила режим полета. Вот ведь заучилась, все выходные просидела, обложившись русско-французскими словарями, и не желала никого слышать. Даже Мотю. Сегодня зачет.

На экран вывалилась куча сообщений.

Муж выставил в сети Facebook⁶ фото заснеженных горных пиков, лыжи крест-накрест, небритое лицо, застывшее в счастливой улыбке. Вот селфи на подъемнике, какая-то мымра рядом в желтом комбезе. Зубы белее снега, улыбка сейчас рот порвет, руки раскинула в стороны, как летучая мышь. Мышь, так и есть. Хотя, возможно, клиентка.

На последующих десяти фотографиях все те же горы, и солнце, и снег. Снега много. И Матвей с лыжами и этой девахой.

Черт. Ладно. Она им гордится. Рассказывает маман, какой ее Мотя крутой спортсмен, как лихо входит на склоне в вираж, как умеет прыгать с выкатов и трамплинов, закручиваясь на триста шестьдесят градусов, и ловко, с хлопком приземляться.

Маман ничего не понимает в горнолыжном спорте, морщится и отводит взгляд. И Мотю едва терпит, ворчит, что мужу неплохо бы научиться зарабатывать так же красиво. Но это грустная песня. Такие дела.

Надя вздохнула: это маман не знает, что Матвей уже не в сборной Украины, а гоняет исключительно для поддержки формы, пытаясь продать свое мастерство горнолыжным школам Евросоюза. А ведь когда-то она мечтала, что Матвей выигрывает «Европу», а может, и Олимпийские. И тогда она бы утерла нос маман тем, что выбрала крутого парня. И ослепила его славой своих подружек, особенно стерву Мару с ее Пусиком.

Ха, надо же так называть мужа – Пусик, как собачку какую.

Вот только Мотя – мудак, сломался. Вылетел из сборной, переругавшись со всеми, с кем можно и с кем абсолютно нельзя. И даже на тренерскую не взяли. Мотается теперь неприкаян-

---

⁵ (Фр.) Я обожаю тебя, детка.

⁶ Упомянутая здесь и далее социальная сеть Facebook запрещена на территории Российской Федерации на основании осуществления экстремистской деятельности.

ный, гордый и злой. Обиженный на весь мир. В последний раз обещал пристроиться инструктором в Шамони, и она бы поехала к нему во Францию.

Да! Скорее всего, так бы и случилось.

Она улыбнулась, представила себя идущей по центральной улице городка, мимо закрытых еще пабов и баров, справа и слева – горы, снег. Она улыбается солнцу и вежливо раскланивается с туристами, спешащими на подъемник. Она могла бы давать на курорте уроки танцев, ведь три года усердных до пота занятий сальсой не прошли даром.

Да! И у нее есть диплом.

«Который нафиг никому не нужен», – шепнул Мотя с экрана смартфона. Его фотка стояла у нее на заставке. Она показала ему «фак» и перевернула телефон с довольной рожей Матвея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.